
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

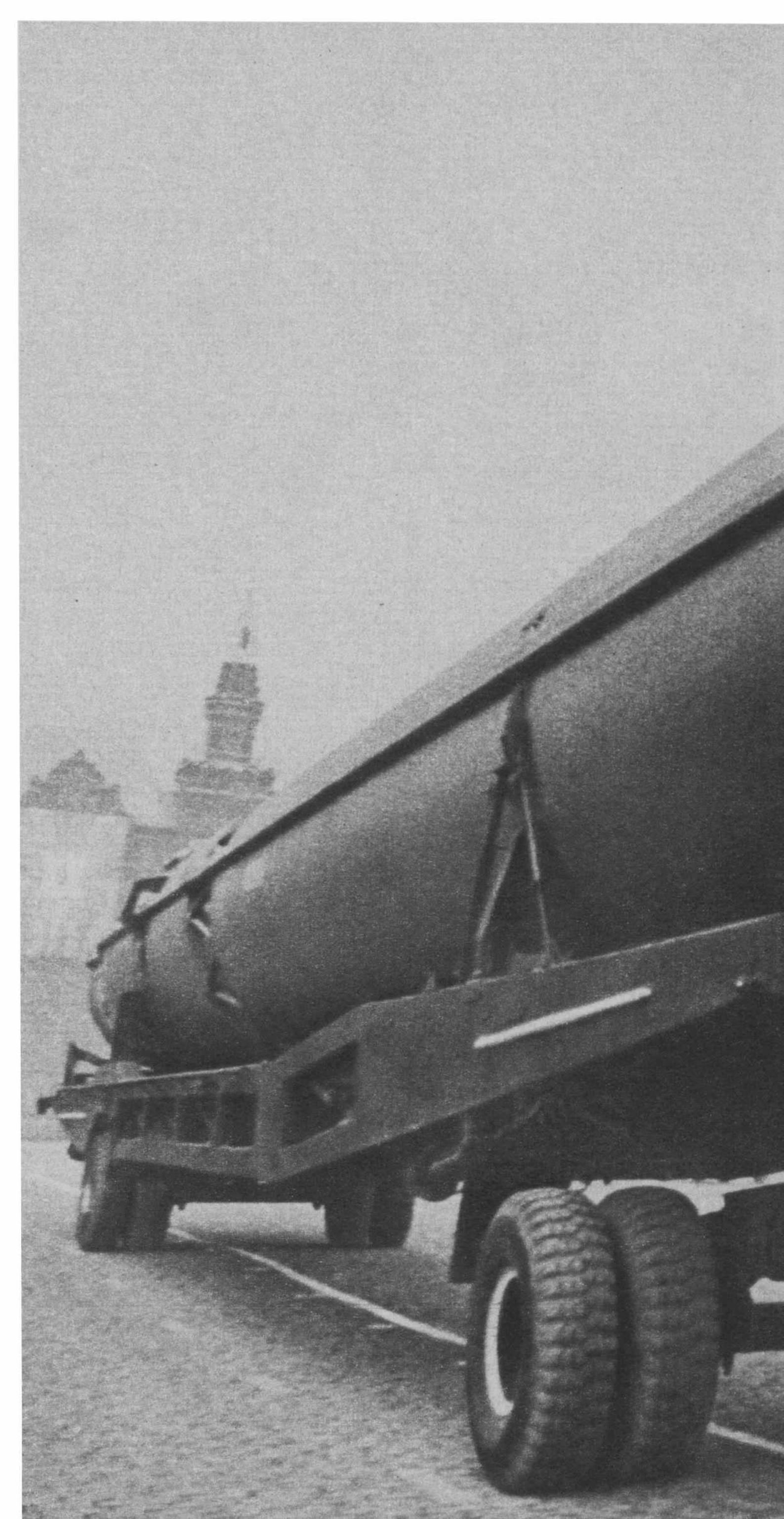
ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Москва, Красная площадь. 9 мая 1965 года. Герои Советского Союза К. Самсонов, М. Егоров и М. Кантария несут Знамя, которое они водрузили двадцать лет назад над рейхстагом.

НАРОДУ-ПОБЕД

Москва, Красная площадь.

ИТЕЛЮ СЛАВА!

9 мая 1965 года

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, Г. Копосова, Ю. Кривоносова, Г. Макарова, М. Савина.

На парад

Репортаж ведут специальные корреспонденты «Огонька»
И. ТУНКЕЛЬ и А. ГОЛИКОВ.

В военном параде на Красной площади в честь двадцатилетия победы над фашистской Германией нам разрешили участвовать в составе боевого расчета ракеты. Да какой! Самой грозной стратегической ракеты — орбитальной.

— Только придется вас переодеть в военную форму,— сказал генерал.— Для солдат вы староваты, а посему на парад пойдете офицерами.

Мы не возражаем. Идем на вещевой склад, получаем обмундирование и, переодевшись, являемся в распоряжение гвардии полковника. Он участник Отечественной войны. В сорок первом командовал ротой парашютистов. После ранения под Киевом служил в 25-й гвардейской стрелковой дивизии. С ее передовыми подразделениями под огнем противника форсировал Днепр на подручных средствах. Закончил войну в Праге, а потом еще сражался на Дальнем Востоке с японцами. Окончил академию Генерального штаба и стал ракетчиком.

— Ну, бравые офицеры,— шутит полковник,— идите к майору. Они уже выводят ракету из хранилища.

Местом хранения оказывается длинный-предлинный брезентовый ангар. Мощный тягач уже вытаскивал из него ракету. Казалось, из пещеры выползает какое-то неземное чудовище — пришелец из космических далей.

Орбитальная ракета сродни ракетам-носителям, которые поднимают к звездам космические корабли. Дальность полета ее безгранична. Она может нести термоядерный заряд, эквивалентный десяткам миллионов тонн тротила. Это в несколько тысяч раз превышает мощность атомной бомбы, сброшенной американцами на Хиросиму. При этом полет орбитальной ракеты проходит по такой траектории, которая делает ракетно-ядерные удары по любой точке земного шара внезапными и неотвратимыми. Весь удар наносится не обязательно по кратчайшему, но и по самому дальнему, обходному пути. Это делает орбитальные ракеты практически неуязвимыми от средств противоракетной обороны.

Участвующие в параде стратегические ракеты выстраиваются в колонну. Впереди ракеты среднего радиуса действия. А перед нами — трехступенчатые межконтинентальные. Двигатели их работают на твердом топливе. Их конструкция совершенна — она проста, удобна в эксплуатации, их обслуживание полностью автоматизировано. Они могут запускаться в минимальные сроки как из шахтных, так и с других стартов.

Стратегическая ракета стартует вертикально и поднимается на тысячекилометровую высоту. Когда отработает последняя ступень двигателя, ракета устремляется к цели со скоростью до двадцати тысяч километров в час. В безвоздушном пространстве она летит, как любое небесное тело. Можно очень точно рассчитать полет и попасть в площадку относительно малого размера.

Орбитальные ракеты — их две — в самом конце. У нас в кабине за штурвалом ефрейтор. Рядом с ним запасной водитель — рядовой, потом два капитана — это мы — и майор.

Звучит команда, и колонна выходит на Ленинградское шоссе. Крутой поворот. Наша ракета и тягач составляют поезд длиной в несколько десятков метров. Водитель поворот делает осторожно, майор, высунувшись из кабины, следит, как идет ракета. Все нормально, мы на Ленинградском шоссе, движемся через живой коридор москвичей.

Вот и улица Горького. За площадью Маяковского останавливаемся, ждем начала парада. Все немножко взволнованны. И вот парад начинается. Сизый дым от моторов стелется по улице: колонна двинулась. Ракеты идут попарно. Исторический музей колонна обтекает с двух сторон. И вот Красная площадь.

Чтобы не мешать водителю держать равнение со второй, идущей ближе к Мавзолею ракетой, мы подаемся вперед. Быстро плывут мимо трибуны Мавзолея, и Красная площадь позади. Водитель вытирает платком вспотевший лоб, радостно улыбается: прошли по площади хорошо! Это так. Нас обгоняет генерал на легковой машине. Он тоже улыбается, показывает жестами, что все великолепно. А наша ракета уже медленно идет по Ордынке, осторожно прокладывая путь через толпу народа, сквозь аплодисменты и приветствия. Когда колонна останавливается, ракетчикам подносят цветы, сердечно жмут руки. Советские люди любят и ценят свою армию.

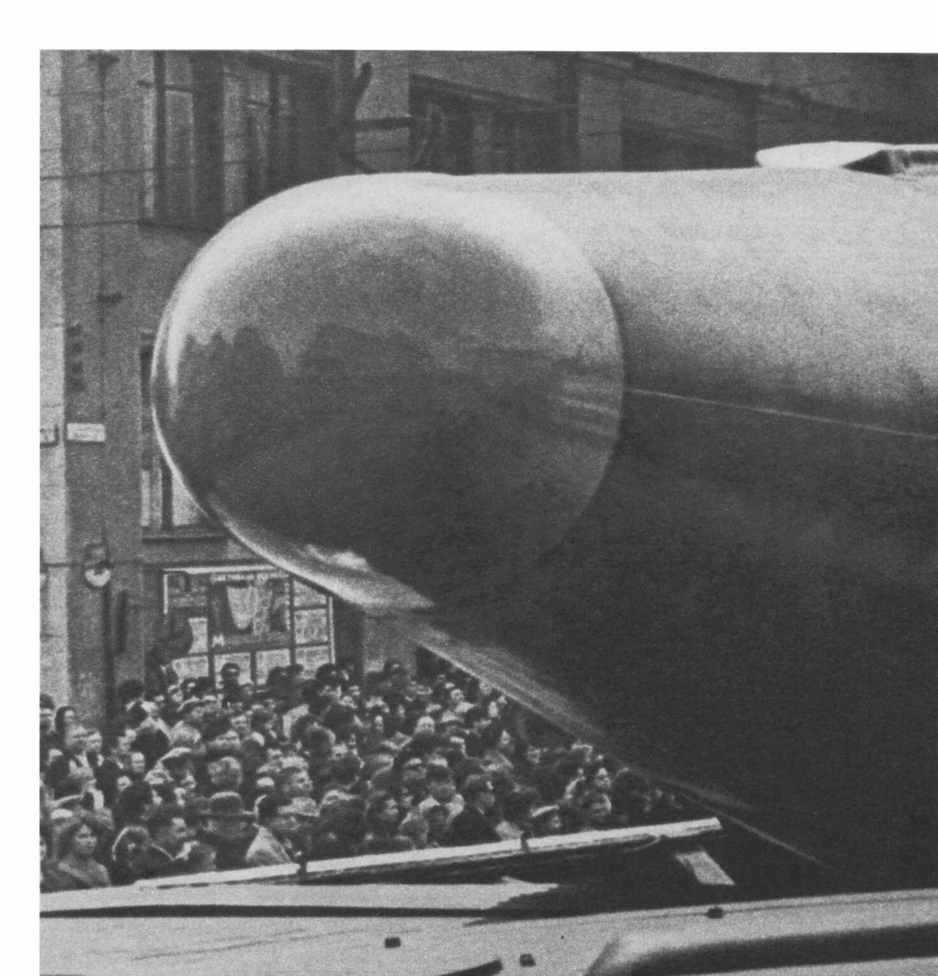

Народ приветствует ракетчиков.

Военные атташе.

Наша орбитальная ракета идет по Красной площади.

с ракетчиками

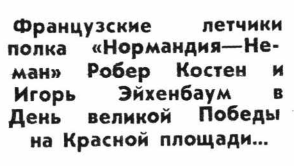
С парада по улицам Москвы.

За высокое мужество, за массовый героизм в борьбе с фашистскими захватчиками Москве присвоено почетное звание города-героя.

Герой Советского Союза Аслан Визиров и стодесятилетний герой Шипки Константин Викентьевич Хруцкий. Оба они в боях прославили Родину.

Французские летчики полка «Нормандия—Неман» Робер Костен и Игорь Эйхенбаум в День великой Победы на Красной площади...

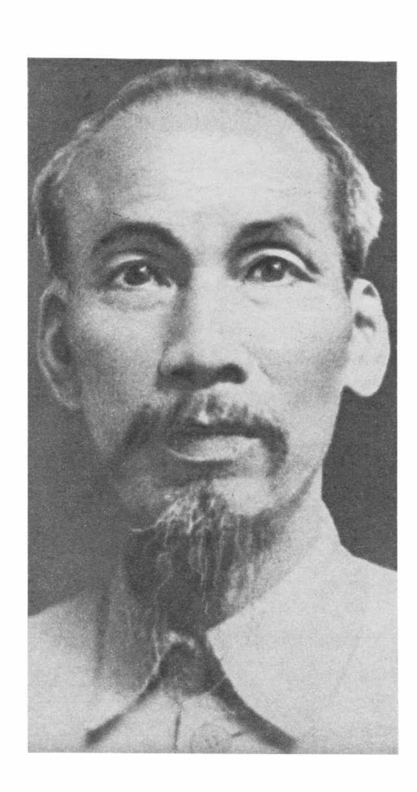
На Красной площади встретились бывшие воины 45-го гвардейского бомбардировочного полка.

Салютует город-герой Москва!

ВЕРНЫЙ СЫН ВЬЕТНАМА

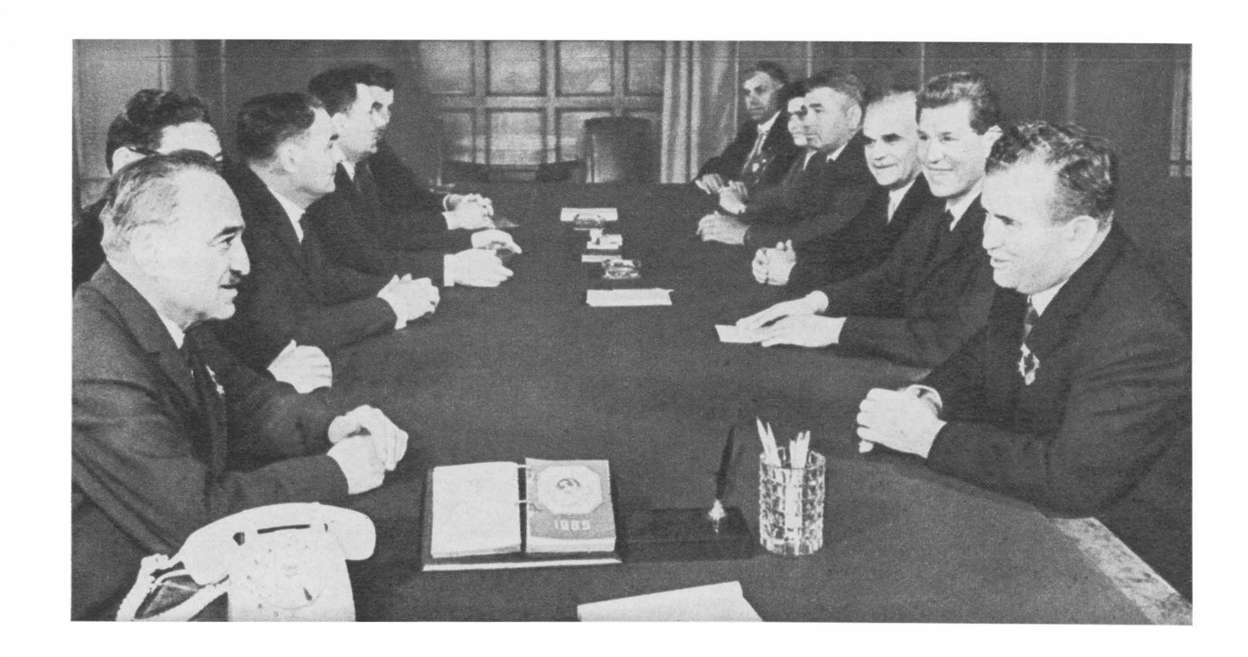
19 мая Президенту Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мину исполняется 75 лет. Хо Ши Мин в переводе с вьетнамского означает «умудренный». Это партийный псевдоним. Настоящее имя президента Демократического Вьетнама — Нгуен Ай Куок, что порусски значит «Нгуен — патриот».

Патриот и мудрый государственный деятель — таким знаем мы президента братского Вьетнама.

С юношеских лет товарищ Хо Ши Мин участвовал в революционной борьбе, не раз подвергался арестам. Вся история рождения Демократической Республики Вьетнам неразрывно связана с именем ее славного сына.

Вьетнамский народ под руководством Партии трудящихся Вьетнама, возглавляемой Хо Ши Мином, успешно строит новую жизнь в своей стране. Американским агрессорам не удастся свернуть вьетнамский народ с избранного им пути.

«Мы любим мир, но мы не боимся войны,— сказал товарищ Хо Ши Мин, выступая на сессии Национального собрания ДРВ.— Мы полны решимости изгнать американских агрессоров, чтобы защитить свободу, независимость и территориальную целостность нашего отечества».

Георгий Трайков — гость Советского Союза

«Всегда и при всех обстоятельствах болгарский народ будет вместе с братским советским народом — его дважды освободителем, самым верным другом и могучим союзником»,— эти слова принадлежат выдающемуся политическому деятелю Народной Болгарии Георгию Трайкову.

Председатель Президиума Народного собрания Народной Республики Болгарии Георгий Трайков прибыл в нашу страну с дружественным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР.

Г. Трайков нанес визиты Первому секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу и Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну.

Президиум Верховного Совета СССР наградил Георгия Трайкова юбилейной медалью «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

На снимке: Председатель Президиума Народного собрания Георгий Трайков во время визита Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну.

Фото А. Стужина (ТАСС).

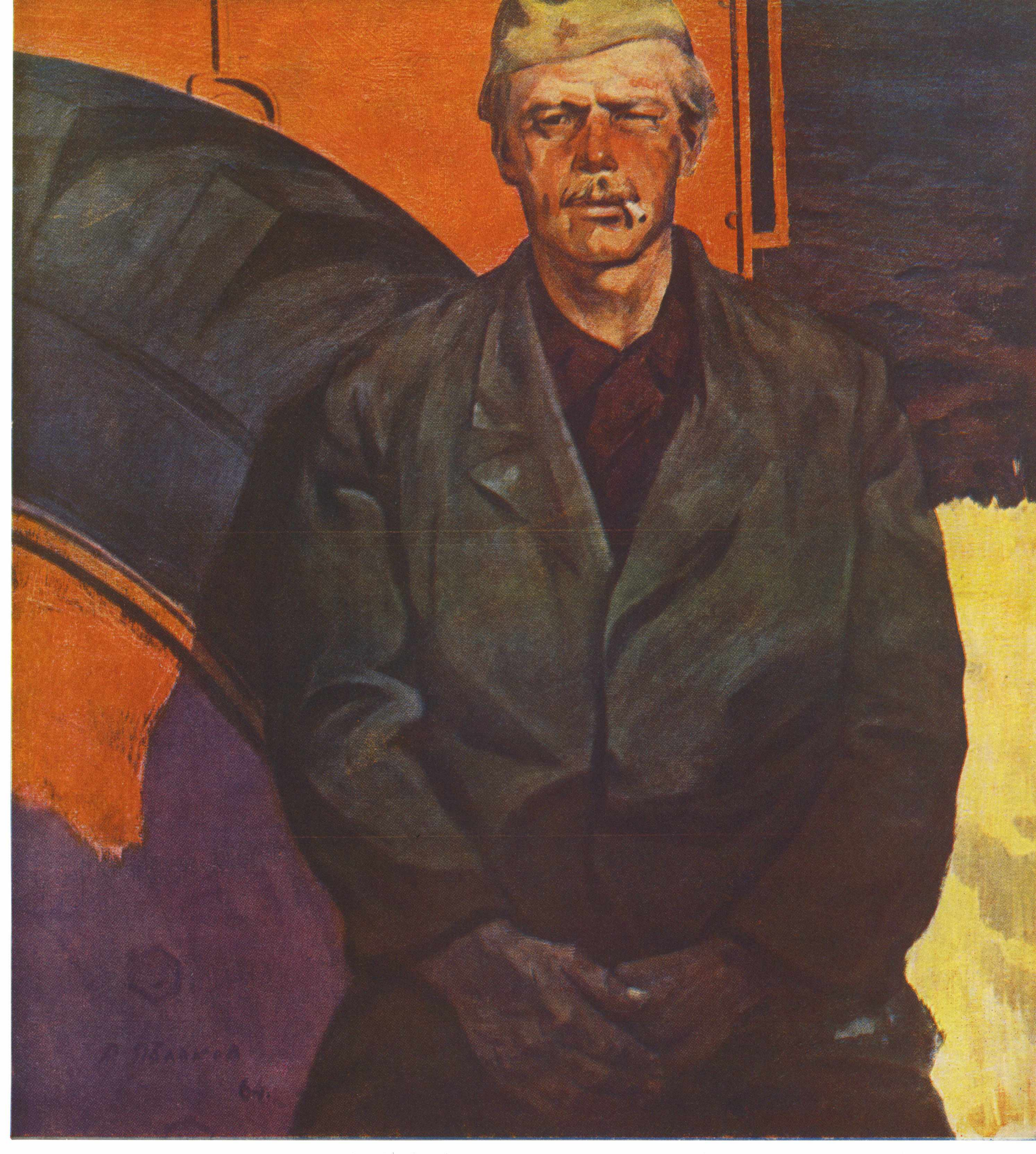
Дружбе СССР и Республики Индии крепнуть!

По приглашению Советского правительства в Москву прибыл Премьер-Министр Индии Лал Бахадур Шастри.

На Внуковском аэродроме посланца дружественной Индии встречал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Фото А. Гостева.

Р. Яблоков (Оренбург). П. А. ГУСЕВ—КОМБАЙНЕР СОВХОЗА ИМЕНИ XIX ПАРТСЪЕЗДА.

ВТОРАЯ ВЫСТАВКА «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

В. Сидоров (Москва). ПЕРВЫЙ ВЕНЕЦ.

Н. Соломин. (Москва). КОЛХОЗНЫЕ МЕХАНИЗАТОРЫ.

> *«Усть-Чарышская пристань — село, центр Усть-Пристанского района, Алтайского края РСФСР. Пристань на левом берегу Оби, в 133 км к Ю. от Барнаула и в 66 км от ж. д. станции Алейская... Масло-сыродельный завод, рыбозавод, птицекомбинат, мельница».*
>
> Большая Советская Энциклопедия.

Пристань

О. КУПРИН

Усть-Чарышская пристань — название официальное. По-местному короче: Усть-Пристань, или еще проще — Пристань.

Я сижу в сельской гостинице и записываю беседу, которая так неожиданно состоялась сегодня. Если честно, то неожиданной эту беседу уже называть грешно после вчерашней встречи. А вчера было вот что. Звонок из «Заготзерна»: «Приходите поговорить». Пришел. Партийный секретарь повел в клуб. Усадил на сцене за стол с красной скатертью. Мест в зале свободных почти нет. И пошли вопросы, успевай только поворачиваться. И не из-за любопытства. Только о самом важном, жизненно важном. Это вчера.

Сегодня все шло проще, аудитория поменьше — человек сорок. Нечто вроде сельского схода. И без красной скатерти.

В комнату постучали. Вошел старик. Топчется у порога, мнет в руках шапку.

— Да вы проходите. Садитесь. Рассказывайте. Как жизнь-то?

— Да ить худо.— Старик берет стул, тщательно устанавливает его подле двери, присаживается на самый краешек.— Сказывали, из Москвы к нам. Правда, нет?

— Правда.

— Ну, конечно... Что там, наверху, про нас слышно?

— Будет район,— отвечаю я и абсолютно точно знаю, что именно об этом спрашивает посетитель. Район — вопрос, без которого не обходится ни один разговор в селе.

— Будет... Ага. Спасибо.— Старик качает головой и улыбается.— Будет! Вот елки-моталки! А? Все, стало быть, в точку. Не надули старика...

Мне чудится, что старик не верит, и для пущей убедительности добавляю:

— Решено с районом. И обманывать вас мне резону никакого.

— Нет, нет! Что вы! Разве ж я о вас. Я ж понятие имею: вам-то все доподлинно известно. Проверить пришел зятя. Это он тайно позавчера... Про район... Мне одному... Чтоб никто... Ни-ни! И я первый! А сейчас во-о-на, кутерьма какая в природе! Неделю, поди, машины не пролезут. Самолеты, так те одно начальство возить станут. А я уже на месте. Угадал. Как угадал! Зятю поллитру. Даже две — за такую новость. Пойду я.

Однако старик не двигается с места. Уходить ему явно не хочется, а сказал, что уходит, для того, чтобы выжать из меня нечто вроде: «Посидите, дедушка». Тогда он останется уже на положении приглашенного гостя.

Именно так и произошло, старик уселся на стул уже более основательно.

Цитата из энциклопедии, та, что стоит в эпиграфе, последние два года, мягко говоря, не соответствовала действительности. Усть-Пристанского района не существовало, упразднили его. О том, что он вновь будет образован, я узнал еще в Барнауле от секретаря крайкома партии. Узнал как о деле решенном. Но в селе это почему-то держалось в тайне. Я же, поскольку знал новость из весьма авторитетных источников и обещания помалкивать до поры до времени не давал, распространялся на данную тему весьма свободно.

Но сколько раз я ни произносил чудесное слово «район», ни разу не было такой реакции, как у этого старика, вынырнувшего прямо из бурана в мой жарко натопленный гостиничный номер. Обычно была радость, смешанная с обидой, как у людей, которых незаслуженно оскорбили, а теперь извиняются за ошибку. У старика был почти спортивный азарт.

Я, по возможности незаметно, рассматривал своего гостя, стараясь понять смысл, или, как говорят, ракурс его радости. Внешность мало о чем говорила. Среднего роста. Седеющая шевелюра, к которой парикмахер не прикасался с полгода. Небритый. Можно было бы сказать: абсолютно средний, заурядный, незапоминающийся человек, если бы не глаза — быстрые, озорные, умные. И руки — корявые пятерни, перебитые широкие пальцы, изрезанные шрамами, желтые, исковерканные ногти. Возраст? Пожалуй, зря я его назвал стариком. Был он где-то на ближних подступах к шестидесяти.

— Почему худо живете? — возобновил я прерванный разговор.

— Так ить район... Да... Вот оно как. Да...

Старик явно уходил от вопроса. Должно быть, решил сначала прощупать, что я за птица. Ну что ж, прощупывай. Подожду. Попробовал повернуть разговор в другую сторону: спросил о прошлом Усть-Пристани. На эту тему — сколько угодно:

— Село знатное у нас было. Место шибко бойкое, особливо по старым временам. Тут аккурат Чарыш с Обью встречаются. Купцы известные жили. Хозяева. Ну-у, куда там! Выгоду свою знали. И народишка тут поболе было. Раза в два поболе — я так думаю. Пристанью жили. Скотина на убой сюда со всей округи шла. В общем, обработка здесь была чего твоей душе угодно. Это с той поры сыроделы наши славу заимели. С секретом работали. В столицу пристанский сыр-то шел. А совсем недавно, сказывают, в Кремль даже. Во как! Остался тут один — не слыхали? — Петр Герасимович. У него этих грамот и наград разных — пропасть. Все за сыр. Большой человек наш Петр Герасимович. Заслуженный. Специалист редкостный. Сейчас сторожем работает. Ночью сторожит, днем выпивает и отсыпается. Уехать не пожелал.

— И сильно он пьет? — спросил я.

— С того года сильно,— ответил старик.

«С того года» — значит, с шестьдесят третьего, когда ликвидировали в Усть-Чарышской пристани район и передали его территорию тому самому Алейску, что в шестидесяти шести километрах, на линии железной дороги.

— Взопрел я. Жарко у вас. Шубенку скинуть позволите?.. Благодарствую...

Под полушубком на старике оказался слегка поношенный офицерский китель, явно с чужого плеча.

— Зять подарил,— объяснил гость.— У него новее есть. Подполковник он.

— Тот, что про район вам сказал?

— Не-е, другой. В самой Москве большим начальником служит. В гости к ним езжу. Богато живут. Только не очень разумно, много лишнего покупают. С зятем вот, как с вами, разговоры веду. Сурьезный мужчина. Про сельское хозяйство мысли высказывать любит. Все в точности, как в последней газете. Интересно послушать. Положено, говорит, сейчас коммунистам в сельском хозяйстве разбираться...

Рассказывать о зяте старику очень нравится. Делает это он не в первый раз, а потому речь ведет не торопясь, основательно, даже со смаком, словно в любимую игру играет. Я делаю вид, будто внимательно слушаю.

Голос его звучит монотонно-ровно и не мешает думать о своем. Иногда я ловлю случайные фразы и примерно представляю, о чем он толкует.

— ...по-ученому рассуждать умеет... Экономика, говорит, папаша,— самое главное в нашей жизни. Она, милая, всему голова и королева. Ей, говорит, каждый подчиняться обязан. А экономика — это попросту значит наука такая, чтоб выгоду от всего иметь. Только...

Я отчетливо представляю старика и его зятя-подполковника, их степенные московские беседы за вечерним чаем о науке, о хлебе, о колхозах... И, наверное, о районе. Не мог старик промолчать. Непременно спросил осведомленного родственника: как, мол, зачем и почему? «Для сокращения административного аппарата и улучшения руководства»,— ответили, видно, ему. Просто, как коровье мычание: было два райкома — стал один, два исполкома — тоже один. Экономия...

— ...не-е, зря мужики иной раз ругаются. Я так нет. Я начальство уважаю. И чем выше оно пост занимает, тем сильнее. Это ж надо понимать...

Так, если разобраться... Усть-Чарышская пристань — село у слияния двух рек. Исторически сложившийся центр. Речной транспортный узел, к которому издавна тяготеют окрестные деревни. Связи всякие — экономические, культурные, родственные. Дорожки тут проторены давно. Привычными и необходимыми стали. А перекресток — Усть-Чарышская пристань. И через то же

самое село, теми же проторенными дорожками связана здешняя округа со всей страной. Усть-Пристань — Барнаул — Москва. Село — необходимейшее звено в общегосударственной системе. Необходимейшее звено... Было.

— ...подумать только! Какие там дела агромадные, а? Сидит, к примеру говоря, министр. Со всех концов к нему сведения поступают. И получается, будто целое государство у него спрашивает чего-то. Он мозгует и дает команду. Всем разом. И городам, и селам, и Пристани нашей. Действуйте, дескать, так-то и так-то. О каждом селе в отдельности он, конечно, не может...

Район упразднили. В зданиях райкома и райисполкома поселилось училище механизации. Стены кое-где поломали. Из кабинетов сделали мастерские.

Потом началось самое странное. Почти все предприятия, которыми славилось село, о которых упоминает энциклопедия, зачахли. Кое-что закрыли вовсе, кое-что поубавили в масштабах, назвали «филиал». Злые языки тут же перефразировали: «Фигудал». Бывшие заводики и фабричонки у нового районного начальства были теперь не в чести. Ни средств им, ни заботы, ни ласки районной. Короче говоря, обрабатывающая промышленность (громко сказано), какая раньше притягивала к себе сырье со всей округи, уехала, по словам пристанцев, в портфелях в новый райцентр. Там, мол, предприятия крупнее. Зачем распылять силы? Район-то один.

Села, те, что вокруг Усть-Пристани, мало-помалу пошли к упадку. Пустить в оборот скот, птицу или яйца стало проблемой. Везти на предприятия, которые покрупнее, не резон. Далековато, непривычно и дорого. Раньше отвозили яйца на пристанский инкубатор — близко и знакомых в селе много, а то и родственники имеются. С инкубатора цыплят брали. Инкубатор их сотнями тысяч в год давал. А теперь разве кто соберется в незнакомое село, да за тридевять земель!

Инкубатор закрыли по причине позапрошлогоднего неурожая. Однако по причине прошлогоднего большого урожая не открыли. Техника дорогая и сложная простаивает. А при ней — две штатные единицы: механик — чтоб все в порядке содержалось, и бухгалтер — наверное, чтоб убытки подсчитывать.

А нынче проблема эта обострилась до предела. Куда крестьянину, получившему теперь возможность более свободно хозяйничать на своем приусадебном участке, везти излишки? Что с ними делать, чтоб не пропали зря? Вероятно, нужна не очень крупная обрабатывающая промышленность, специально для потребностей колхозов и колхозников. Речь идет о народном богатстве и благе.

— ...а зятек мой все про экономику талдычит. Я уж с ним не спорю, хотя знаю точно: не экономика тут важна, а начальство. Начальство запросто может любую экономику отменить...

По делам теперь в Усть-Пристань из окрестных сел ездят меньше. Дел не стало. Да и народ из бывшего райцентра понемногу разъезжаться начал — не сидеть же без работы. Зарастать стали те дорожки, что сходились сюда.

Пути в Алейск толкового не проложили заблаговременно. Правда, строят. Не год, не два и не три. Конечно, если б Алейск никак не мог бы прожить без Усть-Пристани или Усть-Пристань без Алейска, если б предприятия их зависели друг от друга, тогда бы дорога давно уже была. Но контактов таких не существовало. Алейск катил свои отчеты, проблемы и продукцию в Барнаул по железной дороге, Усть-Пристань — рекой. И даже если случалась у кого-то из пристанских экстренная необходимость добраться до железной дороги, то ехали не в Алейск, а в прямо противоположную сторону, на другую ветку.

И вдруг этот чужой в общем-то сосед Алейск был назначен пристанцам родной матерью.

— ...я ему про район толкую, а он посмеивается. Говорит, радоваться должны, что собраний да совещаний меньше. Я молчу. Разве ж он понятие имеет о настоящем районном совещании или конференции какой! Это ж почувствовать надо... Все до тонкости... Народ в костюмы наряжается да галстуки. Как в театре. В буфете всякими редкостями торгуют. Потом звонок. Президиум. Представитель из края, а то, глядишь, и из Москвы. Это ж надо ж! Человеком себя чувствуешь...

Никогда не думал, что в процедуре самого заурядного совещания можно найти поэзию. Впрочем, наверное, так бывает.

А импровизированный сельский сход? А нечто вроде митинга в «Заготзерне»? Люди выступали один за другим, резко, напористо, по-деловому: «Наша беда в том, что все вопросы за закрытыми дверями решались. По команде сверху. Без всякого там изучения и совета: что возможно в жизни, а что нет». Каких только вопросов не задавали! Не только те, что касались усть-пристанского их житья-бытья, нет, всплывали подчас самые неожиданные темы. Например, о тихоокеанских рыбаках или об экспорте за границу грузинского боржома.

Здесь, в селе, оказавшемся волею «перестроечной» ошибки почти отрезанным от внешнего мира, люди, быть может, даже с удивлением вдруг почувствовали, что они не могут жить только своими заботами. Им не хватало дел общих, государственных. В этой искусственно (подчеркиваю: искусственно) созданной глуши резче, чем где бы то ни было, обнаруживались самые благородные, самые драгоценные качества советских людей, чуждых всякого местничества, настоящих хозяев всей страны.

— ...район у нас заглавное значение имеет,— продолжал старик, видимо, очень важную для него мысль.— И чтоб непременно свой район, не какой-то там соседний. Чтоб райком, исполком и все такое прочее. Собственное! Обязательно собственное! И чтоб все конторы налицо пристанские. Пропадет совсем без этого село. У нас теперь все сызнова хорошо пойдет, раз район установят. Была бы команда дадена.

— Не от всякой команды польза...

— Правильные ваши слова. Точно. Был у нас еще при районе один активный руководитель. Дал команду: «Строить водопровод!» Думаете, не построил? Обманул? Ни боже мой! Траншеекопатель продемонстрировали. Все село изрыли. Трубы укладывали. Колонки на улицах ставили. Миллион эта команда стоила. А вода не пошла. Чего-то там по науке не рассчитали, она и не пошла.

— Чего ж хорошего в такой команде?

— Все лучше, чем вовсе без команды. Вовсе без команды, зять говорит, человек в расслабление приходит. И никакой он тогда не боец коммунистического фронту. А здесь ошибка вышла. Только ведь и тут шире глядеть надо. Не все в стране с выгодой делается. Иная вещь сама по себе убыток дает, зато если по-государственному подойти, она, может, первейшей народной необходимости штука. А то, что убыток от нее, так это ерунда. Так что не всякую команду внизу и поймешь. И понимать не надо. Наверху, что касается общих вопросов, виднее. Пусть решают. Нам, стало быть, подчиняться надо. Не для своей корысти, для общего блага. Только бы район был...

Мой гость умолк, уставился в потемневшее окно. Думает о чем-то.

Район... Будет район. Появятся здесь снова и фабричонки и заводики. Может, даже больше, чем раньше. Оживет Пристань. И старик непременно подумает, будто потому так произошло, что портфели обратно в село вернулись, что от районных учреждений вся та благодать. А район-то на самом деле — только эпизод, частность.

Что такое район? Административная единица, созданная для удобства управления, созданная на научных основаниях, из коих экономические — самые главные. А получалось так, что «удобства управления» стали диктовать свою волю хозяйству, экономике, и изменения экономические стали вдруг зависеть от изменений административных. Потому и возник вдруг такой парадокс, что вслед за районным начальством уехала из села местная промышленность.

И еще одна несуразица получилась, едва «удобства управления» почувствовали себя самостоятельными, ни от кого не зависящими: бывший Усть-Пристанский район оказался, по существу, неуправляемым.

— ...хорошо, однако, что опять к старым районам пришли,— говорил старик.— От старой Пристани отправились, к старой и вернулись. По-старому оно лучше.

— Не в районах причина. История с районами — следствие,— начал было я втолковывать своему собеседнику основы исторического материализма.

Старик сидел молча, но я чувствовал, что он меня не слушает, что он занят чем-то своим, очень важным.

Да, старик — загвоздочка. Попробуй убеди его и заставь поверить, что не командами двигается вперед социалистическое хозяйство, попробуй докажи ему, что отставка администрированию — не указание сверху, а восстановление в правах железного экономического закона, отменить который не дано самым высоким авторитетам,— не поймет, пожалуй. Вот я ему толкую, что и от него, как и от всех, партия ждет инициативы, самостоятельности и расчета хозяйственного,— не хочет слушать, отучен он от этого теми самыми командами, которые и понимать не считает нужным. Тут духовная реконструкция человека требуется, такая, чтоб заставила его поверить в свои силы. И одними беседами ничего не переменишь.

— Чего я у вас хотел спросить,— сказал старик, когда я кончил свою назидательную лекцию.— Не знаете, куда райком денут? Училище выгонять до весны не станут. Да и перестроили там, верно, внутри. Так куда же?

— Не знаю. Найдут место.

— Не-е, мне срочно знать надо. В сельсовет пойду. Может, скажут. Я ведь столяр, плотник, слесарь — все могу. И первый приехал. Другие когда еще доберутся. А я тут! Нет, зятю обязательно поллитру... Пока никого нет из мастеров, двойные двери в райкоме сделать хочу. Своими руками. От души. Крепко, навечно чтоб. Не знаете, где двойные двери? Ну, по-другому ящиком называются. По-городскому — тамбуром. Это из приемной в кабинет секретаря. Какой он секретарь без двойных дверей? Надо, чтоб в Пристани все по-настоящему начиналось. Чтоб как в старом районе.

* * *

Я уезжал из села на следующий день после того, как радио объявило об образовании Усть-Пристанского района. На улице знакомые и незнакомые улыбались при встрече друг другу. «Слышали?» «Давно пора». «Теперь пойдет». Старика я больше не встречал. Сделал ли он в райкоме двойные двери — не знаю. Но не так это важно. И двойные двери можно держать открытыми настежь. И таких, как старик, перевоспитать не так уж трудно, когда есть в районе неугомонные люди, как те, кого я встретил в «Заготзерне», как мужики на сельском сходе. Для них решения партии, и особенно мартовского Пленума ЦК,—осуществление собственных дум.

Над Пристанью дуют весенние алтайские ветры...

Стремнина

Михаил БУБЕННОВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

1

...Настало время действовать. Арсений Морошка не мог более медлить — ни одного дня, ни одного часа, ни одной минуты.

Но той юной и ясноглазой кудесницы, какая казалась Морошке хозяйкой и душой его нового дома, уже не было в прорабской. Перед Морошкой вновь стояла диковатая, чем-то напуганная девчушка с чужими глазами. Оставшись одна в прорабской, Геля опять заболела своей тайной болью-тревогой. Но теперь, после забытья, она стала для Гели, вероятно, совсем нестерпимой. И хотя Геля всячески старалась скрыть ее, она проступала в каждой черточке ее нехорошо побледневшего лица.

То, что случилось с Гелей, Морошке показалось колдовством, какого еще не случалось на Ангаре. Морошке хотелось крикнуть во весь свой раскатистый голос, чтобы помочь Геле встряхнуться и прийти в себя, да знал он, что ему нельзя кричать: сбежится народ со всей Буйной. Ему хотелось схватить Гелю за плечи и трясти, трясти до тех пор, пока вновь не зардеет ее лицо и не вспыхнут прежним светом ее глаза. Он шагнул было вперед, но тут же опять остановился, только теперь разглядев, что Геля уже не в легком золотистом платьице, а в брюках и кофте с глухим воротом, какие надевала под вечер, спасаясь от гнуса. И Морошка догадался, что Геля уже собралась покинуть дом, созданный своими руками и своей любовью.

Раньше Геля могла исчезнуть из прорабской в любое время, и Арсений Морошка отнесся бы к этому весьма равнодушно. Но теперь ему казалось, что хлопни она сейчас дверью, и не только погаснет чудесное видение — прорабская изба покажется заброшенным охотничьим зимовьем, какие иной раз отыскиваются в глухой тайге. Да такое разнесчастное жилье лучше запалить со всех углов, да и самому броситься в его огонь!

Поначалу потрясенный Морошка смог выговорить одно только ее имя, но Геля еще более побледнела, услышав, как оно прозвучало в его устах...

— Геля!

Она и не подозревала, что в ее маленькое имя можно вложить так много удивления, тревоги, горя...

— Геля, что с тобой?

— Я ненавижу себя, Арсений Иваныч,— ответила Геля искренне ровным, спокойным голосом и, как никогда, смело посмотрела в лицо Морошки.

— За что? — выдохнул Морошка с большой силой.

— Очень рано взрослой себя возомнила, вот за что! — ответила Геля с неподдельным презрением и беспощадностью к себе.— Может, в юности такое и со многими случается, да какое в том утешение? Аа!

Широкий загорелый лоб Морошки влажно блестел, будто камень-голыш от утренней росы. Медленно опуская голову перед Гелей, Морошка спросил глуховато, с болью:

— Ты жалеешь, что приехала сюда?

— Жалею! Хотя здесь-то и узнала, что совсем недавно была дура дурой...

— Зачем же тогда жалеешь?

— Да умнеть-то нелегко!

— Пусть и тяжело, какая беда! — возразил Морошка.— Чтобы поумнеть, я готов пешком сходить на край света. И готов вынести все невзгоды...

— Что там невзгоды!

Морошка шагнул к Геле, схватил ее за руки.

— Тебя обижают здесь?

Геля отрицательно тряхнула головой.

— А Белявский?

Геля потупилась, но опять потрясла головой.

— Однако ты боишься его!

Геля долго молчала, а Морошка думал, что для него смерти подобно терять не только минуты, но и секунды. У него где-то теплилась еще надежда, что скажи он сейчас же Геле о своей любви — и перед ним, глядишь, воскреснет та Геля, какую он видел час назад.

— Я люблю тебя, Геля!..— сказал он вдруг, до предела снизив голос, но зная, что кричит Геле всей душой.

Геля вскинула руки и закрылась, как от резкого света.

— Арсений Иваныч, не надо! Не говорите!

Нелегко было Арсению Морошке произнести слова, какие он произносил лишь однажды, еще в юные годы, но теперь, когда он выпалил их в лицо Геле, он стал неизмеримо смелее со своей открытой любовью. Не понимая, что происходит с Гелей, но любя ее теперь в тысячу раз сильнее, он еще раз безотчетно повторил:

— Я люблю тебя!

— Арсений Иваныч!

На сей раз Геля крикнула изо всех сил, но ведь все уже было сказано, и она вдруг зарыдала, да так бурно, безудержно, что Морошке пришлось схватить ее под руки.

— Геля! Геля! Да что с тобой? — Он растерялся и не знал, что делать.— Ведь я не мог не сказать...

— Замолчите! Замолчите!

Она вырвалась из рук Морошки и в своей комнатушке, зарыдав еще безутешнее, бросилась грудью на стол перед рацией и букетом суровых цветов тайги. Морошка кинулся было вослед, но в двери замер, и глаза его мгновенно налились глухой тоской.

Прошла целая вечность, прежде чем Геля вскинула голову и, не оборачиваясь к Морошке, чтобы не показать ему залитого слезами лица, спросила:

— Зачем вы сказали это?

Сердце так оглушало Морошку, что он не расслышал ее слов и потому слегка подался вперед...

— Не любите меня, Арсений Иваныч,—произнесла она с мольбой ослабевшим, дрожащим голосом.

Теперь Морошка расслышал все, что она сказала, и его будто с ног до головы окатило холодной ангарской волной. Вернулась привычная трезвость, и он заговорил, как всегда, мягко, раздумчиво, без обиды:

— Ты вроде испугалась, а?

Внезапная сдержанность Морошки передалась и Геле. Всхлипнув еще разок, совсем по-детски, она стала быстро-быстро обтирать платочком лицо.

— Да, я боюсь,—произнесла она за делом.

— Глупая ты! — вздохнув всей грудью, сказал Морошка.— Я к тебе не с черной любовью, зачем ты боишься ее? Да и не буду я, как другие, ломиться в твои двери. Ты ударь меня раз, я и уйду, как сохатый с пулей в боку...

Помолчав немного, он откровенно подивился:

— А я думал, ждала...

Геля вздрогнула и сорвалась с места.

Мысли Арсения Морошки неслись водовертью на шивере: «Что же здесь, без меня, могло случиться с нею? Ведь я видел своими глазами: она была счастлива! Отчего же такая перемена? Отчего ей кажется, что моя любовь — для нее одно несчастье?» Однако, как ни мучался Морошка, тайна Гели без конца ускользала от него хитрым и юрким собольком, и он никак не мог напасть на ее верный след. Увидев, как Геля теребит занавеску, Морошка, осененный вдруг новой догадкой, не спеша подошел к девушке, осторожно взял за плечи, осторожно спросил:

— Может, ты себя испугалась, а?

Геля замерла в его руках.

— Дурная моя голова! — обрадованно побранил себя Морошка, чувствуя, что тайна Гели совсем близко.— Кого же еще можно так-то вот испугаться, кроме себя? Да никого!

— Арсений Иваныч! — умоляюще прошептала Геля.

— Ты смелая, даже отчаянная, и характер у тебя бедовый,—продолжал Морошка, сдерживая голос, стараясь не оглушать Гелю.— Ты вон куда махнула! В такую даль! В такую глушь! Да сюда не всякий парень кинется! Куда же теперь-то девалась твоя смелость? Что с тобой? Все была смелой и вдруг забоялась? И чего забоялась? Своего сердца! Да отчего все это? — воскликнул Морошка с досадой, понимая, что тайна Гели, казавшаяся совсем близко, вновь ускользнула, оставив перед ним запутанные следы.— Может, ты чересчур стыдишься, а?

Оставаясь каменной, Геля произнесла:

— Мне идти надо, Арсений Иваныч!

— Таишься?

— Я иду.

— Не уходи,— дрогнувшим голосом попросил Морошка, впервые в жизни страшась одиночества.

Молчание Гели было тягостнее застойного зимнего безмолвия тайги. Его можно было выдержать какие-то секунды, какие-то минуты, а потом оно могло свести с ума.

— Побудь! — еще раз без всякой надежды в отчаянии попросил Морошка.— Побудь еще немного! Не уходи!

— Не любите меня, Арсений Иваныч, мне легче будет,— вновь попросила Геля.— Не быть нам вместе.

— Да отчего? — Морошка легонько оторвал Гелю от окна, повернул к себе лицом, попытался заглянуть в ее глаза.— Скажи, зачем таишься?

Но Геля осталась непреклонной.

— Не любите меня,— попросили ее губы.

Внезапно все померкло в доме, созданном

Главы из романа.

девичьей любовью, и Морошка не смог даже разглядеть на прощание глаза Гели.

Не успела Геля скрыться за углом прорабской, Арсений Морошка в бессилии опустился на ступеньки крыльца.

Если думалось о жизни, Морошке всегда виделась Ангара. Ее знать да знать надо! Вот спускаешься ты вниз по реке — и не нарадуешься ее сильному и ровному течению. Но ты смотри да смотри! Вот лодку начинает нести сильнее, и ты уже видишь, что впереди река покрыта рябью, а еще дальше катит буруны, а там зловеще клокочет, бьется о каменные зубцы...

Не так ли и с его любовью?

Поблизости на тропке послышались мягкие шаги. К Морошке приближались его частые гостьи, маленькие, худенькие, босоногие девочки-сестрички, дочки одного из бакенщиков: впереди шестилетняя Катя в цветистом ситцевом платьице чуть ли не до пят, с открытой золотисто-белой головой; позади четырехлетняя Таня, укрытая ниже колен отцовым черным накомарником.

— Это вы? — очнувшись, заговорил Морошка.

— Ыгы! — отозвалась Катя.

— Что ж вы босиком-то ходите? Тут ведь змеи...

— Мы убегим!

Морошка хотел было возразить, но Катя отмахнулась рукой и сообщила:

— Мы давно видели, как ты, дядь Сень, приехал, да только нам некогда было...

— Почему же? — спросил Морошка.

— Да Митька не спит! Я его укладаю, укладаю, а он все орет да орет, дерьмо сорочье!

— Обзываться-то нехорошо!

— Ыгы! Это мама...

— Где же она?

— Она с папой за Медвежью ушла, траву косить,— ответила Катя.— Корове сена на всю зиму надо. Мы и зимой здеся жить будем. Одни на всю Буйную. Нам боле негде. Сено корове будет, а в магазине муки купим, сахару, чаю... Всего! А мяса папа сам добудет. В тайге. Задушит петлей зверя — вот и мясо!

— Сохатого?

— Ыгы!

Все время отвечала одна Катя, а младшая ее сестричка для поддержки лишь кивала головой в накомарнике да поминутно почесывала одну о другую голые ноги.

Морошка сходил в избу и вынес девочкам две яркие жестяные коробочки с леденцами. Получив любимое лакомство, Катя неожиданно спросила:

— Дядя Сень, а тебе скучно?

— Да,— признался Морошка.

— Мы во-он отколь увидали, что тебе скучно,— поведала Катя.— А хочешь, мы тебе споем? Спеть?

Морошка тут же ответил взглядом, что готов, как всегда, слушать,— ему хорошо было известно, что сестрички очень любят петь, чем они и славились на Буйной. Девочки стали рядом, младшая стащила с себя накомарник, и они с восторгом и в лад запели про подмосковные вечера.

Увидев озаренные вдохновением лица поющих девочек, всмотревшись в их загоревшиеся глазенки, Арсений Морошка неожиданно подумал, что ведь и у него уже могли быть такие же вот дочки... И Морошке, как и раньше бывало, стало невыносимо тягостно оттого, что у него до сих пор нет ни дома, ни семьи. «Да почему нам не быть вместе? Что может помешать нам?» Мысли Морошки опять заметались, распутывая следы Гелиной тайны, но вскоре опять вернулись ни с чем, как собаки, потерявшие след, с виноватым видом опасливо озираясь на хозяина, боясь получить от него пинка в бок...

Но тут перед мысленным взором Арсения Морошки внезапно предстал Борис Белявский. Арсению Морошке и прежде казалось странным, что одинокий, замкнутый новичок чуть ли не с первого дня проявил такую прыть в отношении Гели, какую не проявляли даже здешние старожилы. Но теперь навязчивость Белявского казалась особенно странной. Не менее поразительным было и то, что Геля страшилась Белявского гораздо больше, чем всех остальных парней, пристававших к ней со своей любовью, хотя среди них попадались люди на редкость дикого и темного нрава. Только от страха перед Белявским, как понимал теперь Морошка, Геля и стала в последние дни вновь мрачной и встревоженной, какой когда-то появилась на Буйной. И вдруг у Арсения Морошки впервые шевельнулось подозрение, от которого ему враз стало нестерпимо тяжко, как под накомарником в июльский полуденный зной. «А может, он знал Гелю раньше, оттого и заявился на Буйную? Оттого сразу же и начал гоняться за Гелей? — подумал Морошка и удивился, почему не подумал об этом прежде.— Может, и она его знала?» Всеми силами, решительно всеми, какими только наградила природа Морошку, он немедленно, неистово, стиснув зубы, начал отбиваться от этой мысли, но ее ядовитое жало уже успело вонзиться в морошкино сердце. Несколько секунд, пока шла эта борьба, Морошке совершенно серьезно казалось, что он вот-вот свалится с крыльца замертво. «А хотя бы и знали друг друга, что же здесь такого? Зачем с ума-то сходить? — попытался было остепенить себя Морошка, боясь напугать поющих девочек своей смертью.— Ведь Геля его не любит — вот что важно! Это все видят, все!» Но то дурманное чувство, от которого Морошку томило и даже поташнивало весь день, словно от белены, памятной с детства, теперь, подогретое внезапным подозрением, стало вдруг неподвластной и невыносимой мукой. И Морошка оробел, понимая, что эта мука способна жестоко погубить его, отняв у него привычную сдержанность и миролюбие.

Он не слышал, как девочки закончили песню. Очнулся он лишь от гудка «Отважного»...

До вечера Геля хлопотала в своей каютке. Она сшибла топором наружную ручку с ее двери, а на внутренней смастерила из проволоки петлю, которую можно было надевать на гвоздь, вбитый в косяк. И даже пожурила себя за то, что не догадалась раньше оборониться так от парней, которые каждую ночь, особенно если были во хмелю, то с ласками, то с угрозами без конца осаждали ее двери. Эта придумка немного успокоила Гелю, и до заката солнца она с присущей ей расторопностью успела навести в каютке привычный порядок, без которого ей жизнь не в жизнь. Прибравшись, она пожалела, что не успела сбегать за цветами, и тут ей невольно вспомнились букеты, какие она поставила сегодня в прорабской для себя и Морошки. С минуту Геля стояла, горестно прижимаясь щекой к двери, но время безжалостно торопило, не давая выстрадать горе. Она постирала свои платьица, а когда все собрались в столовой на ужин, тихонько, крадучись, с тазиком в руках сбежала на берег.

Геля знала, что ей нельзя заняться полосканием поблизости от брандвахты: сейчас же кто-нибудь из парней привяжется и начнет заигрывать, а увидит Белявский — и совсем беда. Решив обхитрить парней, она быстро скрылась за большими камнями-валунами, что лежали в сотне метров от брандвахты ниже по реке. Там, на чистой галечной отмели, одиноко стояла рыбачья лодка.

Уже кончилось дивное время летних зорь, которые несказанно очаровали Гелю в ангарском краю. Бывало, не успеет солнце скрыться в своей таежной берлоге, вечерняя заря вспыхнет и заиграет вполнеба, и Ангара вдруг рванется вперед малиновой железной лавиной, а на шивере так забурлит, так заплещет, того и гляди — займется вся тайга. И всюду стоит такая светлынь, что ни люди, ни звери, ни птицы очень долго не замечают наступления ночи. Медленно, совершенно незаметно слабеет заря, и проходит немало времени, пока начисто выцветет запад, но чудесного света, разлившегося над миром, хватает на всю ночь, до той поры, когда небесная высь начнет розоветь от света другой зари. Отцвели, отполыхали те зори. Теперь быстро блекнет небосвод, быстро гаснет багрянец на прибрежных скалах, быстро тускнеет и становится свинцовой лавина Ангары. Из тайги выходят сумерки, и вскоре все гинет в дремучей мгле, в царстве таежного гнуса. Надо ждать, когда вдруг всплывет, будто из омута, огромная, сияющая, в голубом венце луна,— тогда вновь вспыхнет и заиграет ангарская стремнина.

Согнувшись над кормой лодки, полоща в быстротечной воде золотистое платьице, Геля вспомнила, что шила его под наблюдением матери год назад, сразу же после окончания школы, вероятно, в самые счастливые дни своей жизни.

За десять лет школа дала Геле множество знаний, большую часть которых она в скором времени должна начисто забыть как совершенно ненужные, и не дала тех знаний, которые крайне необходимы будущей труженице, будущей матери и хозяйке. Вместо всего этого школа дала ей в руки документ за подписями и печатями, одно название которого способно загубить любое юное существо.

Стремглав вылетев из школьных дверей в большой мир с аттестатом зрелости, Геля прежде всего и сильнее всего почувствовала себя совершенно взрослой. Аттестат зрелости был поистине путевкой в жизнь; он утверждал, что его владелец может само-

стоятельно, без подсказок, без одергиваний, без поучений заниматься всеми делами, какие случится ему делать, и может самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Тот адский огонь, который незримо струился от каждой буквы аттестата, точно ослепил Гелю.

У нее была полнейшая уверенность, что она все знает, все умеет, все постигла, что ей все открыто, все доступно — знай. бери в руки. Она и раньше замечала за собой, что разбирается во всем не хуже взрослых, а теперь считала себя, без сомнения, вездесущей. Она все чаще и чаще стала останавливать, а то и совсем невежливо одергивать мать:

...— Мама, я уже взрослая!

...— Мама, я все знаю!

...— Мама, не учи!

Мать нередко горюнилась да смотрела на нее скорбным взглядом: растерялась, бедная, увидев, что дочь взрослеет так бурно и дико.

Очень легко Геля убедила себя и в том, что она не хуже взрослых, а зачастую и лучше их умеет разбираться в людях. Ей всерьез

казалось, что она прямо-таки насквозь видит каждого встречного. Она научилась быстро, не задумываясь, давать самые суровые оценки людям и очень удивлялась, если они не принимались как должное.

Геле нравилось, что и все парни, встречавшиеся ей, также чувствуют себя взрослее взрослых и при случае не прочь поговорить об исключительности своего поколения. Ее внимание особенно привлекали те из парней, которые отличались прежде всего смелостью, а то и резкостью своих суждений о жизни, дерзостью и безудержностью своих мечтаний. Обычно это были в самом деле хорошие парни, но несколько ошеломленные, обескураженные той тягчайшей правдой истории, какая открылась совсем недавно людям. Среди них совсем немного было таких, для которых эта горькая правда стала отравой, но отличить их в молодежной толпе иногда мог лишь опытный глаз.

И вот уже износилось платьице, в котором Геля впервые почувствовала себя совершенно взрослой. Прошел всего один год взрослой жизни, но какой год! Маленькие, но крепкие руки Гели внезапно ослабли. Она с трудом полоскала памятное платьице в напористо текущей воде... Разорвать бы, что ли, его, свидетеля ее ужасного самообмана? Разорвать на куски да и бросить в реку! Пусть несет с глаз долой!

Воспоминания так взволновали Гелю, что она и не слышала, как на тропе-бечевинке поблизости от лодки появился тот, которого она боялась и презирала больше, чем всех других ненавистных ей парней на Буйной.

С минуту Борис Белявский стоял, стесненно дыша, зорко наблюдая за Гелей и стараясь убедиться, что не оплошал, не потревожил ее, когда шел сюда каменистой тропой, выбитой в былое время бурлаками. Но сходить с тропы на отмель, где неизбежно зашуршит галька, он не решался: можно было испортить все дело. Сдерживая дыхание, Белявский опустился на землю и, стараясь не спугнуть Гелю ни единым малейшим шорохом, снял ботинки. И опять, напрягая всю волю, помедлил, стараясь убедиться, что все обходится благополучно. Геля по-прежнему полоскала, низко склоняясь над кормой, и сама себя оглушала плеском воды. Держа ботинки в левой руке, ощупывая босыми ногами гладкую влажную гальку, отыскивая твердую опору, Белявский начал подкрадываться к лодке.

На свою беду, Геля слишком поздно почувствовала Белявского за спиной — он успел не только взяться рукой за борт лодки, но и осторожно опустить ботинки на ее дно. Быстро, испуганно оглянувшись, внезапно вся слабея от нехороших предчувствий, она приглушенно воскликнула:

— Ой, это ты?

Борис Белявский так изнемог, подкрадываясь к Геле, что сразу и отвечать-то ей оказался не в силах. Высоко поводя открытой грудью, он молча и воровато поглядывал в ту сторону, где стояли, мигая в сумерках сигнальными огнями, брандвахта и суда. Гелю удивило, что Белявский не в рабочем костюме, а в своей модной спортивной куртке. «Стиляга поганый! — обругала его Геля про себя.— Вырядился, как на танцы!» Из последних сил, стараясь подчеркнуть свою занятость, Геля стала выжимать выполосканное платье и негромко потребовала:

— Уйди. Не мешай.

Обернувшись на голос Гели, Белявский смотрел на нее, казалось, с удивлением, будто совсем и не ожидал найти ее в лодке. В сумерках, при гаснущем свете зари лицо Белявского показалось Геле очень властным и гневным. Особенно насторожили Гелю его сверкающие глаза.

— Уйди! — еще раз, строже попросила Геля.

— Ишь ты, спряталась! — заговорил Белявский, едва справляясь с одышкой.— Везде найду: и под землей и в космосе...

Он присел на борт лодки.

— Не качай! — потребовала Геля.— Пьяный, да?

Она поняла, что Белявский отрезал ей путь на берег; выпрыгивать из лодки боязно: под кормой глубоко, да и несет так, что мгновенно собьет с ног. Стало быть, не избежать разговора с этим ненавистным человеком! Не избежать! И Геля обессиленно опустилась на сиденье в корме, чувствуя себя беспредельно несчастной и одинокой.

— Все пряталась, избегала, а мне говорить с тобой надо,— начал Белявский, спохватившись, что слишком много времени потерял зря, и побаиваясь, что Геля все же может закричать, хотя обычно и стыдится таким образом спасаться от парней.

— Да ведь все сказано! — грустно ответила Геля.

— Еще раз выслушай!

— Все напрасно!

— Да неужели ты...

— Замолчи! Опять сначала?

— Да, опять! Уедем отсюда! Прошу!

— Отстань!

Потянувшись вперед, Белявский выговорил во всю грудь:

— Ведь я люблю тебя! Пойми!

— Ты не меня любишь,— немедленно и резко ответила Геля, с облегчением чувствуя, что ненависть к Белявскому быстро возвращает ей так необходимые сейчас силы.— Ты себя любишь. Только себя. Ты вот скажи, зачем тебе я и моя любовь?

— Мне жизни нет без тебя, без твоей любви! — ответил Белявский выстраданно и запальчиво.

— Вот, вот, о себе ты и хлопочешь, я ведь знаю! — продолжала Геля.— Моя любовь нужна тебе как лекарство. Думаешь, излечит... Так разве это любовь? Когда любят, хотят жить, очень хотят, даже в одиночестве, даже страдая, и живут не для себя, а для любимых!

— А я вот не могу! Не могу, да и только! — выкрикнул Белявский, очень веря в свои слова.

Но в этих словах Белявского, сказанных как будто с большой искренностью, чуткое ухо Гели уловило отчетливые нотки бахвальства своей исключительностью. И Геля сказала с иронией:

— Конечно, ты не такой, как все! Где там! Ты не можешь без моей любви... А как до этого жил?

— Не жил — прозябал!

— И до того прозяб, что стал дрожать перед жизнью?

— Неправда, я жизни не боюсь! — ответил Белявский с резкостью.— Я ее презираю!

— Боишься, оттого и презираешь,— сказала Геля.— И оттого шипишь на жизнь, как гусак. Да кто же полюбит такого человека?

— Одна любила,— мрачно произнес Белявский.

— Одна дура-девчонка, да?

— Да нет, она не была дурой.

— Не верю!

— Слушай, Геля, да неужели...

— Замолчи!

Несколько секунд Белявский, покорно опустив голову, потряхивал ею, словно пытаясь расплескать из нее ту боль, от которой ее рвало, как землю в лютую стужу.

— И запомни...— заговорила Геля, всматриваясь в Белявского.— Запомни, что я скажу: не одумаешься, не возьмешь себя в руки — озвереешь...

— Предсказала! Наворожила! — встрепенувшись, заговорил Белявский с обидой.— Я все презираю, а потому и больше всех наслаждаюсь свободой. А такие всегда остаются людьми!

— Старая ложь!

Выкрикнув эти слова, Геля поднялась с сиденья и, хитря, стараясь не выдать своей тревоги, сказала внезапно мирно, даже мягко:

— Уже стемнело, пора идти.

Поднялся с борта лодки и Белявский. Геля надеялась, что Белявский внял ее словам и дает ей дорогу, однако он тут же остановил ее жестом руки.

— Погоди еще немного,— попросил он тоже мирным тоном, похоже, одобряя решение Гели прервать ненужный разговор, перехлестнувший свои границы.

— Да меня мошка заела,— пожаловалась Геля.

— Можешь честно? — спросил Белявский.

— Говори, только скорее...

Но Белявский почему-то медлил и, тяжело дыша, потирал грудь ладонью — все в ней горело. И не спросил, когда собрался с духом, а будто огнем плеснул в лицо Геле:

— Лобастого любишь, да?

— О ком ты? Я не знаю...

— Не притворяйся, знаешь!

На вопрос, заданный Белявским, Геля еще боялась отвечать даже и самой себе. Раньше Геля считала себя невероятно влюбчивой, и только совсем недавно жизнь сурово разъяснила ей, что она еще не знала настоящей любви и пока что лишь искала, словно в лесной глухомани, то, о чем тосковала ее душа. Пришла ли любовь к ней здесь, на Буйной? Этого Геля еще не знала. То чувство, какое она совсем недавно, всего какую-то неделю, стала испытывать к Арсению Морошке, совсем не походило на ту любовь, от какой она, как ей казалось прежде, много раз сходила с ума. Это было сложное, тысячеструйное, как ангарская стремнина, обжигающе мучительное чувство, все сильнее и сильнее, даже против ее воли, заполнявшее все ее существо. Его скорее можно было назвать страданием, чем любовью.

— Ты что, с допросом ко мне? — заговорила Геля, чувствуя, как ею быстро овладевает удивительное, не к случаю, спокойствие, всегда являющееся предвестником ее бунта.— А ты кто такой, чтобы учинять мне допросы?

— Отвечай! — свирепея от ее спокойствия, потребовал Белявский.

— Ну что ж, слушай!— И впервые не себе, не Арсению Морошке, а ненавистному человеку Геля призналась просто:— Да, кажется, люблю... Ну, а дальше что?

Спокойствие Гели даже озадачило Белявского. Он замешкался и спросил уже тихо, растерянно:

— Когда же успела?

— А я с первого взгляда,— дерзко ответила Геля; та непокорность и та своенравность, какие всегда были сильнейшими чертами ее характера, взыграли теперь вовсю.

— Это... в который же раз?

— А я не считаю! Что за счеты!

— Чем же этот лобастый очаровал тебя?

— Своей влюбленностью во весь белый свет!— ответила Геля с восхищением, наслаждаясь своей прямотой и той правдой, какую говорит о Морошке.— На что не способны такие эгоисты, как ты!

Ревность так сдавила сердце Белявского, что он, едва не застонав, крикнул сквозь зубы:

— А ну, тварь, держись!

Подхватив обеими руками нос лодки, Белявский напрягся и одним разом ссунул ее с галечного бережка в реку, сбив при этом Гелю с ног. Белявскому было уже по пояс, когда он, вымахнув на руках из воды, перевалился в лодку через борт. Слыша крик Гели в корме, он ответил ей:

— Я знаю, что делаю!

Лодку мгновенно оторвало течением от берега. За несколько секунд, пока Геля поднималась, со стоном ощупывая ушибленные колени и руки, маячившая в сумерках брандвахта почти скрылась из виду. С опаской уцепившись за борта лодки, вся напрягаясь, Геля крикнула:

— Да ведь нас несет!

— Ну и пусть несет!— отозвался Белявский.

Сигнальные огни на мачтах судов, огни в каютах на брандвахте, огни в избах на берегу, прежде устойчиво мелькавшие на привычных местах, вспорхнули, закружились и понеслись, понеслись невесть куда, будто спугнутая выстрелом стая кедровок. Каждый огонек был уже чем-то дорог Геле, а один, улетавший быстрее других, и совсем дорогим: в тревожные и бессонные ночи, часто поглядывая на него из своей каютки, Геля полюбила его за то, что мерцал он дольше всех огней на берегу, скрадывая ее одиночество, да и мерцалто, казалось, необычно, все маня и маня куда-то...

— Ты что задумал, подлец?— крикнула Геля с ненавистью, пронзенная до пят страшной догадкой.

— Только не кричи,— предупредил Белявский.

— Ты в своем уме?

— Я увезу тебя отсюда.

— Спаси-и-те!— во всю грудь закричала Геля, но и сама не услышала своего голоса.

Осторожно, боясь оступиться в темноте, чувствуя, что не очень-то тверд на ногах, Белявский направился к середине лодки. Он сделал шажка три-четыре, переступил сиденье близ уключин и хотел уже сесть за весла, но в этот момент Геля внезапно резко покачнула лодку, едва не зачерпнув в нее воды, и Белявский, не ожидавший такого подвоха, с криком вылетел за борт — так падают вратари, хватая мячи, боевым ядром летящие в нижний угол ворот...

Ум и руки Гели работали, как никогда. Схватившись за весла, она быстро повернула лодку наперерез течению и изо всех силенок, какие были у нее и какие заметно прибавил ей страх, изредка оглядываясь на отлетевшие вдаль дорогие огни, стала грести к берегу. Она так неумело и нерасчетливо тратила свои силы, борясь с рекой, что едва-то-едва, на последнем дыхании, готовая разрыдаться от сознания своей беспомощности, от жуткой мысли, что ее может унести стремнина, добралась до галечной отмели. Когда Геля услышала шорох гальки под днищем лодки и поняла, что лодка, как ни мало, а выскочила с разбегу на берег, она в полном изнеможении свалилась на левую уключину и стала целовать черень весла. Но тут же опомнилась, оглянулась на огни Буйной, порадовалась, что они стоят на одном месте, и бросилась из лодки. Под ноги ей попали ботинки Белявского. «Вот для чего ты оделся!— поняла теперь Геля.— В путь собрался!» Вся горя от ненависти к Белявскому, она стала швырять его ботинки один за другим в реку, приговаривая вновь высоко зазвеневшим голосом:

— На, получай! На, крой на все четыре!

И только тут спохватилась: да ведь Белявский-то наверника погиб в ангарской стремнине! Выпрыгнув из лодки, шепча себе какие-то слова, кусая губы, хватаясь за грудь, Геля опрометью понеслась к прорабской.

Когда Арсений Морошка открыл Геле дверь, она едва держалась на ногах. Боясь упасть, она невольно схватилась за протянутые навстречу руки Морошки и, порывисто уткнувшись головой в его грудь, вся дрожа, прошептала:

— Я утопила его...

Не сразу Арсению Морошке удалось заставить Гелю выговорить еще несколько слов и дознаться, где же она встречалась с Борисом Белявским, и не сразу он решился оторвать ее от своей груди...

Из прорабской Морошка выскочил с мыслью, что Белявский, конечно, погиб. Около брандвахты раздавались встревоженные голоса. Перед тем как сбежать с обрыва, Морошка провел лучом фонаря по тропе и там, где она выходит на пологий приплесок и заворачивает к реке, в радужном сиянии света вдруг увидел моториста: мокрый, в изодранной теннисе, он шел торопливо, шатаясь и что-то бормоча.

У Белявского не хватило сил вбежать на обрыв, хотя ему и очень хотелось сейчас же вцепиться в горло Морошке. Ползая на коленях, хватаясь за дернистый край обрыва, он закричал во тьму, не видя прораба:

— Ты где, гад?! Думаешь, скроешься?

Кое-как выбравшись на обрыв и разглядев в темноте Морошку на комле поваленной бурей березы, что лежала близ тропы, Белявский бросился к нему с матерной бранью, но его руки — показалось — мгновенно попали в железные клешни. Белявский закричал так, как еще не кричал от боли никогда: он был уверен, что кости его рук раздроблены.

— Тише, тише,— сказал ему Морошка.

С трудом опомнясь, прижимая к груди пылающие огнем руки, Белявский попросил:

— Будь человеком, выгони ее!

— Быть человеком — и выгнать?

— Да не философствуй, брось! Зачем она тебе?

— А тебе?

— Я люблю ее!

— Но ведь она тебя не любит!

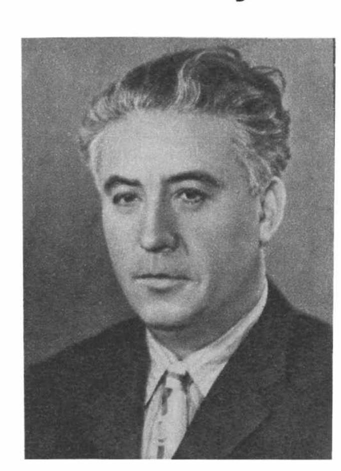
— Полюбит! Она моя!

— Что значит—моя?—на сей раз без обычной паузы спросил Морошка.— С твоей меткой, что ли, как ярка?

— Угадал, так и есть!— ответил Белявский.

— Брось шутки, Белявский! Брось!— сильно, басовито заговорил Морошка.— За такие шутки, знаешь, что бывает?

Уйгун

Уйгуну (Рахматулле Атакузиеву), одному из зачинателей узбекской советской литературы, шестьдесят лет. Но для него это лишь веха на светлом пути. Большое творчество у него за плечами. Большое творчество — впереди. И хоть побелела его пышная шевелюра и давно пришли зрелость и мудрость, а сердце по-прежнему полно молодой энергии. «Седина моя — лишь легкая зола, а под нею угли жаркие горят»,— говорит о сам поэт.

Об Уйгуне можно (и хочется!) писать много и щедро его цитировать. Он удивительно многообразен: это и тонкий лирик, и сатирик, и публицист, это поэт, драматург, новеллист, критик, сценарист, переводчик... Но при всем том он и удивительно целен.

По образованию Уйгун — педагог. Видимо, это сказалось и на его творчестве. И в поэзии и в драматургии он воспитатель. Он нацеленно и страстно крепит в читателе чувство любви к Родине, к ее чудесным людям — труженикам-творцам, созидателям нового, коммунистического общества, к ее природе, ко всем советским народам — братьям по трудовому подвигу, по духу и цели.

Уйгун — певец радости жизни, радости труда, радости дружбы и любви. Во всем, созданном им, кипит бойцовский темперамент. Стоит послушать его выступления, прочесть критические статьи, наносящие меткие удары по враждебной нам идеологии, или стихи публицистического накала, посмотреть героические, боевые пьесы — и перед нами вырастет фигура трибуна, острого и умного, с непреклонной партийной убежденностью в правоте дела, которому он служит.

И в день юбилея хочется от души пожелать долгой молодости, новых творческих успехов нашему узбекскому другу Уйгуну — писателю-бойцу, воспитателю, жизнелюбу.

Юрий КАРАСЕВ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

ВЕЛИКОЕ ТАИНСТВО

Так назвал вступление к своей книге известный критик и театровед Юрий Зубков. Книга посвящена проблеме перевоплощения в искусстве актера. Сущность этой важной проблемы убедительно прослеживается на творчестве Николая Черкасова.

В одной из своих статей Н. К. Черкасов заметил, что он вообще не был бы актером, если бы не был «актером перевоплощения».

Естественно, большое мастерство сегодня — еще только заветная цель для молодых актеров. Труден путь к познанию истинного в искусстве. Но еще труднее, когда путь этот осложняется разными творческими зигзагами, когда колесит молодой художник вокруг да около правды, иногда в течение долгих лет так и не приблизившись к ней.

В своей книге Ю. Зубков передает богатейший опыт художника-гражданина всем, кому дорого прошлое, настоящее и будущее советского театра, незыблемые ленинские принципы партийности, народности, гуманизма, верность традициям русского реалистического искусства, смелое, подлинное новаторство.

Книга знакомит с процессом становления Черкасова как актера, в ней последовательно раскрывается творческая лаборатория в ходе работ над образами профессора Полежаева, Дон-Кихота, Буланова в «Лесе», Осипа в «Ревизоре», Паганеля в фильме «Дети капитана Гранта», царевича Алексея, Петра Первого, Ивана Грозного, Мичурина, академика Дронова.

«Лучшие образы современников,— отмечает Ю. Зубков,— и в первую голову все те же Полежаев и Мичурин, говорят о том, что Черкасов как подлинный актер — социалистический реалист является не иллюстратором жизни, а первооткрывателем и ее идейным истолкователем, иными словами, актером-мыслителем, актером-философом».

Эту гражданственную позицию художника автор под-

Юрий Зубков. Творчество Н. К. Черкасова (проблема перевоплощения в искусстве актера). ВТО. Москва. 1964.

Услышав, что на обрыв поднимаются парни, прибежавшие с брандвахты, смелея на людях, Белявский пошел грудью вперед и опять закричал во весь голос:

— Какие тут шутки! Она моя! Ты знаешь это слово — моя? Думаешь, оно исчезло? Моя — и все ясно!

— Ты лжешь, Белявский! Лжешь!

— А ты спроси у нее, если не веришь!

— Осрамить задумал? Злобствуешь?

— Я спасаю ее от срама!

— Убирайся-ка ты, спаситель, отсюда подобру-поздорову...

— А ты будешь с ней, да? — И Белявский начал размахивать кулаками перед Морошкой. — Не мечтай, прораб! Напрасные мечты! Этому не бывать! Моей была, моей и будет! Так и запомни!

Но тут машущие руки Белявского вновь попали в железные клешни. Завизжав, как прибитая собачонка, он рухнул на землю. На обрыв выскочили парни, и Морошка, едва сдерживая свой кулак над головой Белявского, крикнул им:

— Уведите, он пьяный и мокрый!

Не в силах опираться о землю непослушными култышками, какие были у него теперь вместо рук, Борис Белявский с трудом приподнялся на одно колено и заговорил в темноту, надеясь, что прораб еще поблизости:

— А такие вот камни есть на твоей шивере! Как же с ними? Рвать? Попробуй, взорви...

Кто-то из парней, окруживших Белявского, сказал:

— И верно, пьяный!

— Отойди! — Разгребая парней руками, Игорь Мерцалов пробился к Белявскому и, подхватив его под руки, в один прием поставил на ноги. — За что он тебя? Ревность обуяла? Ну, пррророраб, погоди!

Но Арсений Морошка не слышал голосов парней. Он ничего не слышал и не видел, кроме огня в своей комнатушке, и только поэтому, вероятно, оказался не у двери, а перед окнами прорабской. Одно окно было распахнуто, и в нем он увидел Гелю...

— Закрой, мошка набьется, — глуховато, ослабевшим голосом, словно после болезни, сказал ей Морошка.

— Он так кричал! — шепотом сказала Геля.

— Закрой.

Помедлив, Геля с усилием выговорила:

— Я все слышала, Арсений Иваныч!

— Он негодяй! — сказал Морошка, едва шевеля губами от странной усталости, хотя ему и казалось, что он кричит на всю Буйную.

— Да, он негодяй, — согласилась Геля. — Но он сказал правду...

— Не верю! Не верю! — заговорил Морошка, хватаясь за створки и горячо дыша в окно.

— Это правда, Арсений Иваныч! — сдерживая рыдания, возразила Геля. — Боже мой, да зачем все, что было со мной, — правда? Зачем все это было? Отчего я поверила себе? Как я могла поверить в то, чего на самом деле не было? Как я могла обмануться?

— Замолчи!

— Я ведь говорила вам...

— Замолчи! — уже закричал Морошка, захлопывая окно. — Я не верю! И никогда не поверю!

черкивает на протяжении всей своей книги, еще раз подтверждая, что лучшие из черкасовских образов созданы «воинствующим, партийно мыслящим советским художником, остро сознающим свое общественное назначение как глашатая нового и могильщика старого. И образы эти наглядно говорят о том вкладе, который внесен Черкасовым в развитие современного советского искусства». Именно в этом, на взгляд Ю. Зубкова, прежде всего следует искать секрет завидного долголетия многих черкасовских творений.

Гл. ГРАКОВ,
В. КАЛИНИНА

Занимательное исследование

«В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок» — так называется книга Ю. И. Масанова.

Писатель повествует о разнообразных, то значительных, то менее важных, порой только недавно разгаданных фактах: рассекречивает анонимы, расшифровывает псевдонимы литераторов прошлого, музыкантов, художников, выявляет точное авторство ряда произведений, обнаруживает ложные переводы, плагиаты, мистификации.

Примечательно, что некоторые искусные литературные подделки долго вводили в заблуждение даже опытных специалистов.

Например, поддельное окончание пушкинской «Русалки», псевдоотрывки и варианты из второй части «Мертвых душ», фальсифицированный пролог к «Горю от ума»...

Строгая документальность, богатство фактического материала, дополненного свежими изысканиями исследователя, лаконичная и занимательная очерковая форма, яркость языка — неоспоримые достоинства этого своеобразного произведения.

Снабженная подробными примечаниями и обширной библиографией, хорошо иллюстрированная книга Ю. И. Масанова интересна и познавательна.

И. ЗЛОТНИКОВА

Читая Леонида Ленча

Веселого человека, оптимиста часто узнаешь по тому, как он смеется, как воспринимает смешное. Леонид Ленч смеется заразительно весело: смеются глаза, плечи, руки, все его тело сотрясается от смеха. Естественно, что этот человек пишет смешные рассказы, пишет уже в течение тридцати лет. Это читатель узнает из книги юмористических рассказов и фельетонов Леонида Ленча под названием «Адская машина». Название зловещее, но рассказ смешной и к тому же подсказанный Ленчу поэтом из Махачкалы.

Вообще почти все рассказы Ленча не выдуманы. Человек наблюдательный, столь чуткий ко всему, что достойно осмеяния, он строит свои рассказы на истинных происшествиях. Разве не допекают хорошего человека всевозможные «дяди Феди», склоняя его к обогащению за счет ближнего своего? Ленч высмеивает такого «дядю Федю», его алчную душонку, его самого, портящего жизнь людям. Или другой рассказ. Разве в жизни мы не бываем свидетелями того, как сочинители глупых приказов и инструкций мешают людям жить, радоваться (а в данном случае — вспоминать прошлое)? Сочинитель инструкции запрещает шестидесятилетней женщине навестить в гостинице старого друга, к тому же больного: этим оберегается нравственность постояльцев («Свидание»). Или рассказ о том, как чуть не уломали хорошего парня, счастливого молодого отца, Петю Кошелева окрестить сына. Как видите, Ленч осмеивает пережитки прошлого. Вместе с тем у него есть рассказы с доброй улыбкой: матросы с советского корабля «Владимир» выкупают у дрессировщика в заграничном порту состарившегося пуделя Амиго, когда-то показывавшего чудеса на манеже, а теперь жертву издевательств своего дрессировщика.

Разнообразие сюжетов, наблюдательность автора, его юмор, то добрый, то язвительный, делают книжку Леонида Ленча особо привлекательной. Завершается книга интересным очерком «Кержацкая кровь», воспоминаниями о Михаиле Кольцове и о знаменитом основателе оркестра русских народных инструментов В. В. Андрееве.

Таким образом, хотя название книги «Адская машина» несколько пугающее, читатель, зная Леонида Ленча и его произведения, не испугается и не обманется. Не сомневаюсь, что эту новую книгу писателя прочтут с удовольствием.

Л. НИКУЛИН

Валентин

Евгения ЖАРОВА

Фото Е. САВАЛОВА.

Надувательство какое-то! — Мужчина явно не стеснялся в выражениях. Среди оживленной толпы зрителей, покидающей цирковое представление, он выделялся своей хмуростью.

— Чем вы недовольны? — спросил его администратор.

— Почему у вас в цирке дурачат людей? Это же не медведи, а переодетые артисты!

Администратору ничего не оставалось, как провести недоверчивого мужчину на конюшню.

А на конюшне в это время дрессировщик и его ассистенты раздевали участников аттракциона «Медвежий цирк». Снимали с них юбки, брюки, майки, платки, каски мотогонщиков, боксерские перчатки, ролики. Но как ни всматривался недоверчивый зритель, ни один из артистов не сбросил своей роскошной темно-бурой медвежьей шубы. Встряхнувшись, звери шли в свои клетки, где их ждал ужин и заслуженный отдых.

Случилось это без малого двадцать лет назад, когда совсем еще молодой дрессировщик Валентин Филатов впервые показывал своих медведей ленинградцам. Но и потом в разных городах и странах среди зрителей находились люди, считавшие, что в аттракционе «Медвежий цирк» участвуют не звери, а переодетые артисты.

Да это и не удивительно. Ведь все, что делают на арене питомцы Филатова, не только опровергает бытующее представление о медведях как о существах неуклюжих, неповоротливых, косолапых, но порой наводит зрителей на мысль, что не всякий артист цирка сумеет повторить трюки, проделываемые медведями — эквилибристами, гимнастами, жонглерами, акробатами.

Разве можно назвать темно-бурую красавицу Машку неуклюжей, когда видишь, как ловко она, лежа на спине, вращает попеременно то передними, то задними лапами бочонок, «сигару» или горящий с двух сторон факел? А назовешь ли трехлетнего Лушпая косолапым, если он с таким изяществом и грацией катается на роликах и самокате вместе с кокетливым в своей нарядной балетной пачке Седым? Их собратья по лесу выполняют, как говорится, впервые среди всех медведей мира очень сложный акробатический номер «лапы в лапы»: Машка лежит на спине, а Ревун на ее задних лапах выжимает стойку.

Есть среди медведей Валентина Филатова воздушные гимнасты, роликобежцы, жонглеры, велосипедисты, боксеры. Есть даже свой коверный клоун. Это медведь Макс. Старейший артист четвероногой труппы в костюме популярного комика Карандаша заполняет паузы между номерами и своими шутками потешает зрителей. Макс идет по барьеру, опоясывающему манеж, бережно прижимая к себе белоснежного шпица Пуську. Не беда, что у настоящего Карандаша черный скотч Клякса! Зрители сразу догадываются, кому подражает забавный Макс. Словом, в «Медвежьем цирке» представлены почти все жанры циркового искусства. И все это веселое представление, сопровождаемое остроумным дикторским текстом «под Синявского», смотрится как дружеская, полная ласковой улыбки пародия.

Аттракцион В. И. Филатова, где все цирковые номера исполняются медведями, совершенно уникален. Разработанной талантливым артистом методикой сложной дрессировки теперь широко пользуются многочисленные последователи. А ведь ему-то самому в свое время пришлось начинать почти все заново. С самого начала работы с медведями Валентин Иванович отказался от всех номеров, обычно показываемых на арене медведями. Это и «пилка дров» двумя мишками, и борьба человека с медведем, и непременная «барыня», исполняемая медведицей в сарафане. Всего этого Филатов насмотрелся с малых лет, странствуя по городам с цирками и зверинцами вместе с отцом — старейшим артистом русского цирка Иваном Лазаревичем Филатовым.

Потомственный артист цирка В. И. Филатов — третье поколение целой династии Филатовых. Дед его, Лазарь Иванович, был укротителем львов, а бабка ассистировала дрессировщице обезьян. В фургоне рядом с клетками львов у них родился сын Иван. За долгую жизнь Иван Лазаревич освоил почти все цирковые жанры. Но особенно долго работал с хищниками. Артисткой цирка была и его жена. Один за другим выходили на арену их дети — двенадцать сыновей и дочь. Младшего своего сына, Валентина, отец отговаривал от работы в цирке: пусть учится! Но уже вскоре увидел: трудно перебороть в таких, как он сам, любовь к арене, к ее нарядным огням, запаху свежих опилок, устилающих манеж, к скитальческой жизни артистов цирка. А у маленького Валентина обнаружился еще и огромный интерес к животным. Потому, хотя и отговаривал отец своего тринадцатого, он знал: властно позовет сына арена, как позвала когда-то и старшего сына, тоже Валентина, разностороннего артиста, погибшего накануне рождения Валентина-второго в боях против Колчака. И еще знал Иван Лазаревич: пока жив, постарается передать сыну все свои знания, поможет ему стать настоящим артистом.

Одним словом, вскоре Валентин начал репетировать с первыми своими питомцами Буркетом и Дымкой. Шли годы, и скромный номер постепенно превратился в целый аттракцион «Медвежий цирк» с участием тридцати бурых артистов. Валентин Филатов всегда выходит на манеж лишь с легким стеком, и работают его мишки без громоздких клеток, опоясывающих арену, и, видя улыбку Филатова, зрители испытывают ощущение, что звери с удовольствием играют вместе со своим хозяином в увлекательнейшую игру.

Валентин Филатов стал настоящим первооткрывателем в своем жанре дрессировки. Слава о народном артисте РСФСР В. И. Филатове и его аттракционе быстро распространилась не только у нас в стране, но и за рубежом. Знатоки и любители цирка восхищаются изобретательностью дрессировщика, его новаторством, — большинство из созданных Филатовым трюков с медведями никто никогда еще не исполнял.

— Не было этого никогда и не будет, — категорически утверждали опытные укротители и дрессировщики, узнав, что Филатов-младший, как называли Валентина артисты цирка, задумал научить своих медведей управлять мотоциклами.

И лишь отец был уверен в нем. Добился же сын того, что сразу восемь медведей сели на велосипеды и устроили настоящие медвежьи гонки на манеже. Поистине великолепное, захватывающее зрелище! Теперь им надо пересесть на мотоциклы.

Прошло немного времени, и действительно выехали на арену мотоциклы, управляемые медведями. И никаких специальных приспособлений на харьковских машинах «Москвич», кроме замены обычного сиденья дощечкой, не потребовалось.

А о том, насколько успешно медведи овладели мотоциклом, рассказывает случай с отчаянной мотогонщицей Девочкой. Он произошел во время гастролей в Штутгарте (ФРГ). В городском спортивном зале, специально оборудованном для представления советского цирка, шли последние приготовления к вечерней премьере. А на манеже репетировал с медведями Филатов. Девочка, сделав последний круг на своем мотоцикле, выехала, как положено, за кулисы и, быстро миновав замешкавшегося ассистента, проследовала через ворота на шоссе. Свернув направо, она влилась в общий поток транспорта, двигающийся по направлению к центру, и, не сбавляя скорости, устремилась вперед.

На первом перекрестке ошарашенный регулировщик тут же дал ей зеленый свет, и Девочка промчалась со скоростью 40—50 километров в час мимо него. Ничего более резонного не нашел и второй регулировщик на следующем перекрестке. Побоялся не найти общий язык с необычным мотогонщиком и полицейский третьего перекрестка. Все они останавливали поперечное движение, пропуская вперед «генерала Топтыгина», который восседал не на тройке перепуганных лошадей, а за рулем нарядного мотоцикла. Лишь после четвертого перекрестка спортивный «студебеккер» с Филатовым, став поперек дороги, преградил путь мотогонщице. Девочке пришлось остановиться.

Недостатка в зрителях не было. Появилась полицейская машина. Вездесущие фоторепортеры были рады запечатлеть необычное зрелище: весело улыбающийся инспектор-регулировщик вручил Девочке персональные международные водительские права.

Но нашлись маловеры и на этот раз. Некоторые, например, думали, что мотоциклы управляются по радио или обладают каким-то другим секретом.

Были такие люди и в Японии. Однажды в Токио во время гастролей артистов советского цирка в спортивном зале «Каракуэ» представители фирмы «Тахацу» усомнились в том, что машинами управляют настоящие медведи, а не люди. Убедившись, что никакого обмана нет, предприимчивые и дальновидные дельцы поинтересовались, сумеют ли мишки водить мотоциклы, выпускаемые их фирмой, и сколько на это потребуется месяцев (а может, лет?).

— Два дня, — ответил коротко Валентин Иванович.

И действительно, через два дня после того, как два новеньких нарядных мотоцикла были присланы в цирк и сиденья на них заменили пластмассовыми дощечками, на вечернем представлении лучшие мотогонщики медвежьей труппы Дымка и Аркаша выехали на манеж на машинах марки «Тахацу».

Японцы встретили их появление настоящей овацией, а представители фирмы тут же попросили принять оба мотоцикла в подарок в знак восхищения перед высоким мастерством дрессировщика.

Подарок, между прочим, оправдал себя: фирма «Тахацу» на другой же день вывесила яркую рекламу с медведями-мотоциклистами; подпись гласила: «Мотоциклы нашей фирмы столь удобны и легки в управлении, что не только люди, но даже медведи быстро научились кататься на них!»

Не менее предприимчивыми оказались и другие представители деловых кругов. Стоило Валентину Ивановичу купить в одном из парижских магазинов запасное колесо для самоката, как тут же хозяин магазина вывесил объявление: «Поставщик Московского цирка». Валентин Иванович тоже не удержался от соблазна и сфотографировал объявление. Теперь это фото среди множества других, сделанных им в разных городах и странах мира, — за десять лет «Медвежий цирк» побывал более чем в двадцати странах, — находится в домашнем архиве Филатова, где хранятся и фотографии, сделанные на Кубе, и диплом, полученный Филатовым от кубинской армии в дни блокады острова Свободы. А не так давно Филатов получил еще один интересный документ. Ректорат и партком Белорусского университета сообщили ему, что Научное физиологическое общество избрало Филатова своим почетным членом, учитывая его успехи в дрессировке, в практическом применении учения о высшей нервной деятельности животных. Таким образом, «Медвежий цирк» и его четвероногие артисты стали как бы передвижным филиалом общества физиологов.

Но главное, конечно, не в этом. Главное — радость, которую неизменно доставляет Валентин Иванович Филатов со своими артистами всем нам — маленьким и большим.

Медведи тоже могут давать интервью, но для этого им нужен переводчик — Валентин Иванович Филатов.

Филатов и его артисты

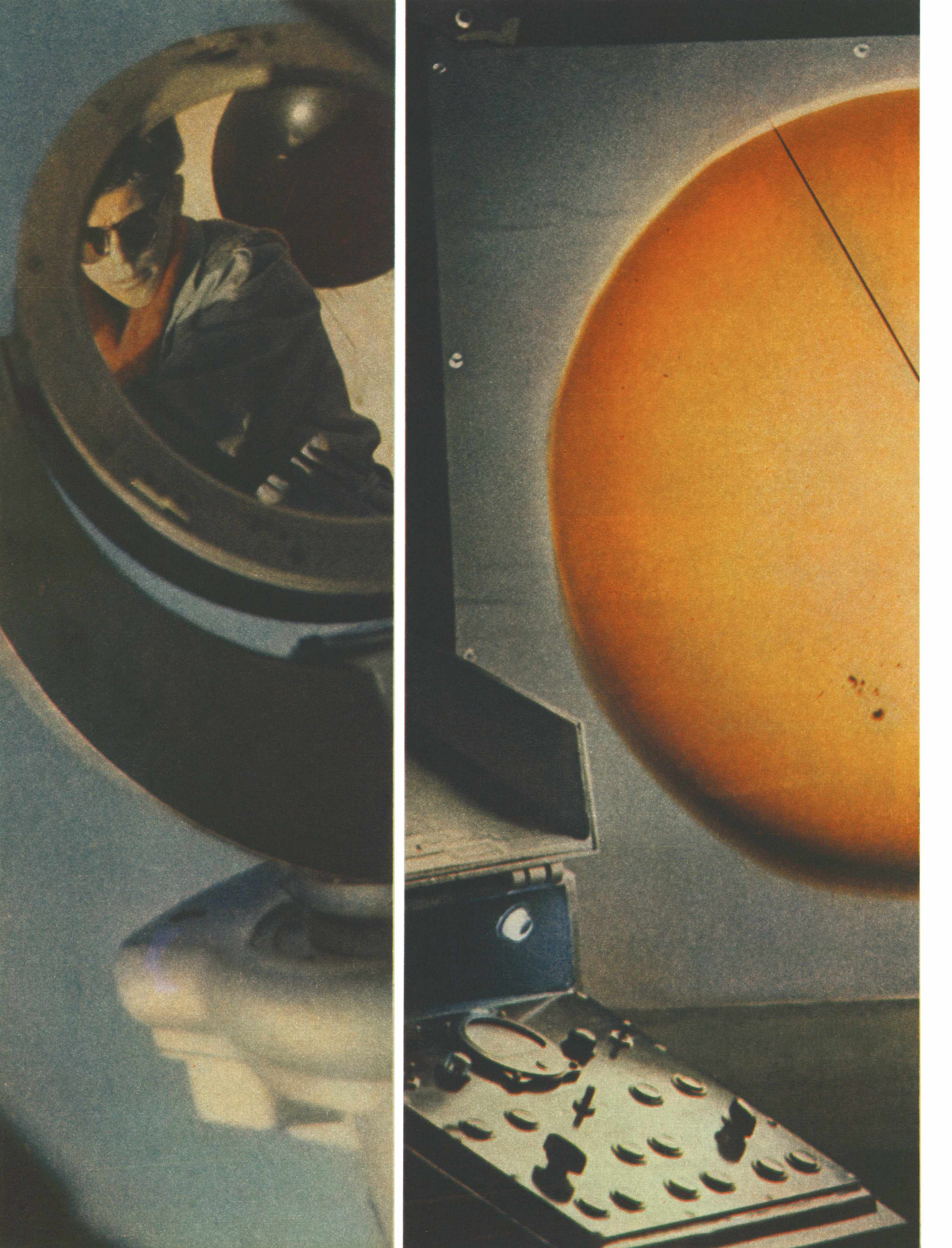
Коронный номер Машки.

Вот за такие минуты мы любим цирк.

← Весь вечер у ковра — клоун Макс, коллега Карандаша по манежу.

Косолапая тройка.

Сибирь — край науки

Подданные Солнца

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Г. КОПОСОВА.

Земля, несмотря на огромную удаленность от Солнца, очень чутко реагирует на все проявления характера нашего светила.

Когда на Солнце происходят гигантские вспышки, потоки солнечных газов взмывают на сотни тысяч километров и устремляются в межпланетное пространство, на Земле часты магнитные бури, нарушение радиосвязи. С различными состояниями Солнца связывают вспышки инфекционных болезней, сердечно-сосудистые заболевания. И человек заинтересован в том, чтобы понять, объяснить и предсказать поведение нашего светила.

Сейчас Солнце еще спокойно, но активность процессов, происходящих на нем, начинает постепенно возрастать...

Наши корреспонденты ведут репортаж с высокогорной солнечной станции в Саянах.

Сейчас вам придется уйти. Понимаете, даже дыхание лишнего человека может нарушить точность работы прибора. И, пожалуйста, постарайтесь близко не подходить к павильону. Пока мы во временном помещении...

На экране возникает яркий огромный диск, могучий шар, пылающий в космосе. Вот оно — Солнце! Оно проникло сюда сквозь синий провал круглого окна. И теперь здесь, в маленьком деревянном павильоне телескопа, существует только Солнце и еще раз Солнце. Оно тут со всеми своими тайнами, загадками, ослепительной мудростью, которая создала жизнь во всем ее многообразии.

Солнце разбилось на множество осколков и заполнило все приборы. Оно брызнуло в узкую щель спектрографа и радугой расписало черные стены. На фотопленке застыл, как взвившийся на ветру край огненного полотнища, протуберанец, сфотографированный в лучах красной линии водорода. Самописцы приборов приготовились писать кривые, рассказывающие ученым о самочувствии светила.

Солнце так осязаемо и близко, что не верится, что до него 150 миллионов километров. Оно тут, рядом, по соседству. Протяни руку и коснешься его пылающей плоти. И в помещении все кажется желтым, жарким...

— Застынем сегодня. Надо бы надеть не валенки, а унты.— Эти слова Геннадия Яковлевича Смолькова возвращают нас к действительности, и мы чувствуем, что ноги и руки впрямь закоченели. Тут, на высокогорной станции в Саянах, климат суровый.

Смольков нетерпеливо поглядывает на дверь. Приготовления закончены. Лишним пора уходить.

— Знаете, как можно сразу узнать нашего брата?— спросили нас как-то.— Летом по самым белым, без признака загара лицам: ведь в солнечные дни мы сидим в этом павильоне и наблюдаем. А зимой — по красным, обмороженным лицам — по этой же причине.

Однако исследователи не в претензии, было бы солнце. А еще несколько дней назад его, как назло, не было. Метеорологи совершенно точно подсчитали, что в Саянах, где расположилась эта высокогорная станция Сибирского отделения Академии наук СССР, за весь год выпадает только семнадцать дней без солнца. Но природа почему-то в этот год торопилась выполнить норму сразу. Все ходили злые, расстроенные. И нельзя было не заразиться тоской по солнцу. Так же, как все, мы напряженно вслушивались, когда передавали сводку погоды, а утром, еще до завтрака, выбегали из натопленной избы, которая служит ученым пока и спальней, и столовой, и рабочим кабинетом, и аудиторией, и с надеждой смотрели в небо...

Станция лежит на плоской, почти безлесной вершине горы. Тайга осталась ниже, а сюда, на высоту, карабкаются лишь низкорослые, тоненькие, но зато самые отважные березки и ели. Однако маленькая горстка людей на вершине горы обжилась и чувствует себя совсем как дома.

Через несколько лет здесь будут фундаментальные здания, воплощающие строгую изысканность и холодный, точный расчет. Вместо временного дощатого помещения солнечного телескопа построят по последнему слову науки и техники капитальный павильон с искусственным охлаждением, башню коронографа, радиотелескоп и самый большой в мире солнечный телескоп с диаметром зеркала в 2,5 метра.

Пока всего этого нет. Пока есть лишь узкая тропка, идущая по уже весеннему, выветренному, ноздреватому, как пемза, снегу. Колышки, отмечающие места, где начнется строительство. И нам говорят: «Эх, рано вы приехали!..»

Нет, с этим нельзя согласиться. Нас не покидает чувство сожаления, что, хотя история станции начинается, по существу, только сейчас, мы не были свидетелями событий, связанных с ее предысторией. Мы не видели, как вчерашний выпускник Иркутского университета, заведующий лабораторией исследования Солнца Геннадий Смольков летал здесь на вертолете, отыскивая место для будущей обсерватории.

Не было нас и на веселом конкурсе, где исследователи решали, как назвать безымянную до сего времени гору. Предложений было много. Но большинство голосов собрало название «Наран», что по-бурятски значит «Солнце». Так и окрестили гору. Имя Наран настолько прижилось, что теперь многие считают его древнейшим географическим названием.

Голубой мечтой иркутян было перетянуть в Сибирь из Крымской обсерватории Владимира Евгеньевича Степанова, крупного ученого-солнечника, профессора, имеющего свою научную школу. Написали ему письмо, поделились планами.

И Владимир Евгеньевич решил посмотреть, что это такое затевают они в Саянах. Просто слетать в Иркутск и посмотреть. Может, совет какой дать. Это ведь его ни к чему не обязывает.

Восемь часов трясся Степанов по горным дорогам, добираясь от Иркутска до станции. На Наране тогда еще ничего не было. Только деревянная изба, где жили первые строители, они же исследователи, они же научные сотрудники института: солнечники, инженеры, электронщики, теоретики. И еще было на Наране солнце, такое яркое, будто атмосфера не задерживает ни единого лучика. Это наранское солнце ударило ему в глаза и настежь распахнуло душу. Он присел на ступеньки деревянного дома, просто и лаконично сказал хозяевам, смотревшим на него влюбленными глазами: «Я ваш».

И остался...

Владимир Евгеньевич Степанов сам делал подставку для целостатной установки солнечного телескопа. Кандидаты наук устраивали «вологонки»: на волах возили в гору строительные материалы.

Скажем прямо, труд профессора с топориком или кандидата наук в роли возницы может показаться не слишком производительным. Но когда мы заикнулись об этом Владимиру Евгеньевичу, он подумал и спокойно сказал:

— Может быть, даже наверное, вы правы. Но зато мы установили мировой рекорд по монтажу телескопов. За восемь месяцев сделали помещение, собрали и установили сложнейший инструмент, на ходу модернизируя его, наладили и начали вести работы. А как важны были наблюдения нашей высокогорной станции, расположенной на востоке Сибири, для программы Международного Года Спокойного Солнца! Мы торопились начать работу.

Ну, а между стройкой, «вологонками» и охотой на диких козлов, куропаток и зайцев, которые сначала своим независимым видом и полным равнодушием к человеку просто сердили исследователей, будущие ученые один за другим заканчивали Иркутский университет, писали диссертации, конструировали интересные приборы. И когда в 1964 году Степанов был на Международном конгрессе в Риме, посвященном 400-летию со дня рождения Галилея, профессор уже докладывал о работе молодых исследователей, своих учеников Георгия Куклина и Дмитрия Кузнецова. А в октябре 1964 года во Львове было совещание, посвященное исследованию Солнца. Из тридцати работ, представленных к обсуждению, почти половина была выполнена сотрудниками Иркутского института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Сибирского отделения АН СССР.

— Мы в этом не виноваты,— предупреждает Степанов.— У нас просто хорошее место. Поэтому по программе МГСС мы дали наблюдений в полтора раза больше, чем все остальные солнечные станции Советского Союза, вместе взятые. А потом вот еще в чем дело. Долгое время исследования шли так: существовали магнитные станции, солнечные обсерватории, лаборатории, изучающие космические лучи. Все было отдельно. И все исследовали одни и те же явления, хотя и с разных сторон. А в нашем институте мы изучаем их в комплексе, взаимосвязанно, как они и существуют в природе. Ну и, конечно, есть тут, в Иркутске, способная молодежь с хорошими знаниями и энтузиазмом.

Работы молодежи действительно интересны.

Восходящая звезда института Георгий Куклин скоро защищает диссертацию, которую многие его товарищи и профессор Степанов считают очень серьезной.

Из всех проявлений активности нашего светила потрясают своей

◀ Виктор Григорьев настраивает установку, чтобы лучи солнца били в зеркала телескопа.

Так выглядит Солнце, когда оно спокойно...

мощностью солнечные пятна. Большинство геофизических изменений на Земле связано именно с ними. Но, к сожалению, мы знаем еще очень мало об их природе. Известно, что вещество там находится не только в газообразном, но и в ионизированном состоянии. Иными словами, это плазма. Магнитные поля на Солнце оказывают влияние на характер движения плазмы, на ее температуру. Например, в тех участках, где сильные магнитные поля, бывает пониженная температура. Там обычно и возникают пятна, возмущенные участки солнечной поверхности.

Работая вместе с Владимиром Евгеньевичем Степановым, Куклин обнаружил, что магнитное поле пятна претерпевает изменения за очень короткие промежутки времени. Изменение магнитного поля пятен было теоретически предсказано несколько лет назад английским ученым Каулингом. Куклину удалось подтвердить предсказания англичанина точными наблюдениями.

Вместе с Владимиром Евгеньевичем Степановым и талантливым молодым радиоэлектронщиком Дмитрием Кузнецовым Куклин работал и над созданием чуткого прибора — иркутского солнечного магнитографа.

«Магнитограф, магнитограф»,— слышим мы на высокогорной станции по нескольку раз в день. Его только смонтировали, а он упорно отказывается работать. Даже спокойный и уравновешенный Виктор Григорьев, тоже аспирант Степанова, как-то выходит из себя. Он часов пять провозился в ледяном черном ящике и, придя к обеду и грея руки у печки, раздраженно бросает:

— Не прибор, а подхалим какой-то! У Степанова работает. А тут уперся — и ни в какую...

— А ты забыл, как говорит Степанов? — подсказывает ему кто-то.— Магнитограф — это скрипка. На нем надо еще уметь играть.

— Да, магнитограф надо чувствовать,— соглашается Виктор.— Тут технической инструкцией не обойтись.

Магнитограф — это целая сеть приборов, помогающая проследить и записать кривую распределения энергии и скорости движения плазмы и величину и направления магнитного поля на всем Солнце в целом либо на любом его участке. А отличие иркутского магнитографа от других подобных приборов, существующих в Советском Союзе, заключается в том, что он пишет все эти сложнейшие параметры одновременно и очень надежно.

Без магнитографа не обойтись исследователям Солнца — и профессору Степанову, и Геннадию Смолькову, и Георгию Куклину, и Люде Прокопьевой.

Люда — недавняя выпускница Свердловского университета. Она занимается вопросом, связанным с активизацией волокон на Солнце в период солнечных вспышек. Солнечные вспышки продолжаются от нескольких минут до нескольких часов. Самая бурная стадия обычно падает на первые десять минут. Интересно, что в тот самый момент, когда происходит вспышка, всегда на расстоянии от нее примерно в 300—500 тысяч километров начинает происходить активизация темных волокон. Они движутся, меняют свою форму. Прокопьева установила скорость движения гигантских возмущений, связанных, по ее представлению, с солнечными вспышками. Это примерно шесть тысяч километров в секунду, причем скорость может быть и больше. До Прокопьевой все наблюдатели находили значительно меньшую скорость их движения.

А как нужен магнитограф самому Виктору Григорьеву!

Выпускник Казанского университета Виктор Григорьев занят работой, связанной с исследованием общего магнитного поля Солнца. Это спорный и интересный вопрос. Некоторые ученые придерживаются мнения, что общее магнитное поле Солнца вообще не существует. То, что Григорьев занялся решением такой задачи именно теперь, не случайно. Ведь сейчас минимум солнечной активности, нет вспышек, магнитное поле которых мешает подобным наблюдениям.

До двенадцати ночи вместе с Геннадием Смольковым и Ириком Максютовым они разбираются в чертежах и схемах. На другой день Виктор является сияющий, опоздав на час к обеду. И, уплетая остывший суп из свиной тушенки (обычная еда всех экспедиций), сообщает долгожданное:

— Магнитограф работает, как зверь.

...Кончились ненастные дни. Утром все просыпаемся от яркого света луны, заглядывающей в окна. Она стоит над начинающими розоветь горами неправдоподобно огромная и яркая. Но вот солнце упрямо появляется из-за покрытых утренним туманом гор и торжествующе расцветает над станцией. И так же расцветают улыбками лица его «подданных».

Через несколько минут Геннадий Смольков, Виктор Григорьев и Геннадий Домышев — лучший наблюдатель станции — поднимаются по деревянной лесенке в павильон солнечного телескопа.

Последние дни Солнце особенно хорошее. Край диска на экране отмечен четко, а само изображение пористое, будто все состоит из светлых крупинок, как рис, рассыпанный на тарелке.

Все готовы к работе. И Геннадий Яковлевич Смольков, стараясь быть повежливее, говорит тем, кто сегодня не наблюдает, в том числе и нам:

— Вам придется уйти. Вы все уже знаете и про точность... и про дыхание... и про помехи... И, пожалуйста, постарайтесь близко не подходить к павильону. Пока мы во временном помещении...

ВЫСОКОГОРНАЯ СОЛНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ «СИБИЗМИР» СО АН СССР

...В редакции шло совещание. Оно было прервано, потому что приехал Уилфред Берчетт — австралийский писатель. Он приехал из Вьетнама, с места боев. Рассказывая о жизни партизанских отрядов, включил магнитофон.

— На эту пленку я хотел записать пение лесных птиц на рассвете,— сказал Берчетт,— но его заглушили другие звуки.

В тихом редакционном кабинете стал нарастать гул. Приближались американские самолеты. Громыхнул удар, другой, третий... Ближе, ближе... Комната наполнилась взрывами бомб. Что-то рушилось, гибло, крушилось рядом с тобой.

Магнитофон выключен. Тишина. Трудно говорить. Так неожиданно, так достоверно ворвалась война.

Эту достоверность принес нам звук...

Мир наполнен звуками. Они доставляют нам радость, а иногда и печаль; с их помощью мы получаем сведения о сегодняшнем дне и приближаем прошлое...

В Москве, на улице Качалова, есть Дом звукозаписи. Здесь звуки рождаются, здесь их благословляют на долгую жизнь, записывая на пленку, здесь они хранятся — самые драгоценные, только что созданные или прозвучавшие много лет назад и сейчас возвращающие нам частицу ушедших навсегда жизней.

Валентин Николаевич Евдокимов, когда мы открыли дверь в аппаратную реставрации, замахал руками: «Тише!» С магнитофона в это время сквозь шум и дребезжание шел к нам голос: «Полтора

Записывают оркестр, которым дирижирует Геннадий Рождественский.

СВЕТИЛЬНИК ВОДОЛАЗА

Человек, работающий под водой, давно мечтал о надежном друге — светильнике. Водолазам приходится опускаться на морское дно и ночью, пробираться по запутанным морским переходам. Такой подводный светильник недавно разработали советские изобретатели — ленинградцы Б. Н. Карандин, И. А. Горбунова и Г. П. Панасюк.

Светильник универсален. На три — три с половиной метра лучи его пронизывают толщу воды. Им можно пользоваться как ручным подводным фонарем.

•

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ЮГОСЛАВСКИМ ФИЗИКАМ

На Международной выставке изобретений в Брюсселе группе югославских физиков присудили Золотую медаль за конструкцию трансформатора постоянного тока, по размерам немного более спичечной коробки. Если к этому устройству подключить источник постоянного тока (аккумулятор, солнечную батарею) всего на 6 вольт, то на выходе трансформатора можно получить постоянный

года, Васенька, прожили, как в могиле. Город жгли и дом твой сожгли дотла. Угнали твою жену. Про тебя все вспоминала, не хотела ехать. Вот, Васенька, какие дела,— уже не всхлипывает, а рыдает женский голос,— бей их, проклятых».

Эту запись сделал военный корреспондент радио в городе Демянске, сразу после его освобождения.

Военных записей много: репортажи с поля боя, из операционной походного госпиталя, рассказы бойцов...

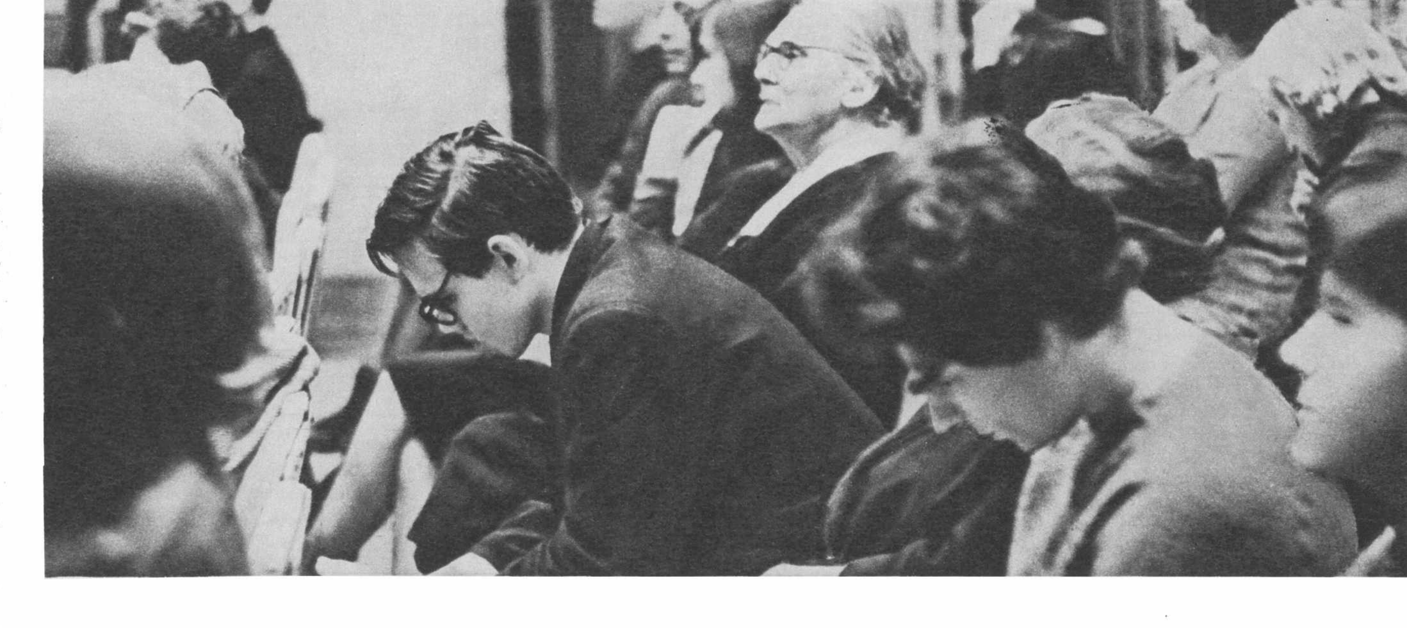
Двадцать лет прошло. Техника записи тогда не была такой точной, и условия работы были далеки от студийных норм. Сохраняют, реставрируют эти живые документы Валентин Николаевич Евдокимов и Вячеслав Николаевич Таболин. В аппаратной трудно двигаться: столько машин, механизмов, приборов. Они расположились вдоль стен, заняли место в центре комнаты. Есть аппарат, который меняет скорость звука, не изменяя тональности, есть снимающие шумы, фоны, есть такой, который придает глубину звуку.

Реставраторы прекрасно владеют всей этой сложной техникой. Но, кроме технических знаний и навыков, они обладают высокой музыкальностью, и еще особым, тонким чутьем, и еще талантом.

В фонотеке хранился голос Шаляпина — больше 40 записей. Но хрипы пластинок мешали воспроизведению. А самое главное—в записи был искажен тембр шаляпинского голоса. Евдокимов стал читать о певце, собирал все, где говорилось о его голосе. И слушал, слушал, слушал сохранившиеся пластинки. Постепенно рождалось точное ощущение всех возможных вибраций голоса, всех его тончайших оттенков. А потом засел за технику. Микшер, ревербиратор, аппараты, аппараты... Слух напряжен. Убирается фон, шумы, голос Шаляпина набирает силу, восстанавливается глубина тона. И звучит теперь на весь мир освобожденный от помех шаляпинский бас.

...В длинном коридоре тихо, сюда не проникает ни одна нота, ни одно слово, хотя за каждой дверью гремят и затихают звуки. В одной из студий идет репетиция. Откройте двери—и вы услышите симфоническую музыку. Загляните в студию—и прежде всего вас удивит огромное количество проводов, электроприборов и необычайный вид инструментов. Играет электроансамбль. Вполне естественно, что родился он в доме, где жизнь состоит из музыки и техники.

— Симфонический оркестр,— говорит создатель ансамбля, подвижник электромузыки Вячеслав Валерианович Мещерин,— гигант среди исполнителей. Но ведь все должно развиваться. Человек проникает в космос, в толщу океанских глубин, и, чтобы выразить в музыке новые познания, ощущения, необходимо новое звучание. И именно в развитии электромузыки я вижу направление поиска музыкальных средств. В нашем ансамбле есть скрипка, контрабас, фортепьяно, аппарат искусственного эха—инструменты электронные и адаптеризованные. Выразительный диапазон ансамбля велик.

Звучит музыка.

Идет запись. В аппаратной за пультом звукооператор, в студии симфонический оркестр. На аппарате подрагивает стрелка — индикатор уровня записи. Рука оператора на микшере — он регулирует общий баланс оркестра. Можно усилить звучание одного инструмента и пригасить другой, можно углубить звук или сделать его более легким, поверхностным. Фоническая трактовка записи — это творчество, творчество звукооператора.

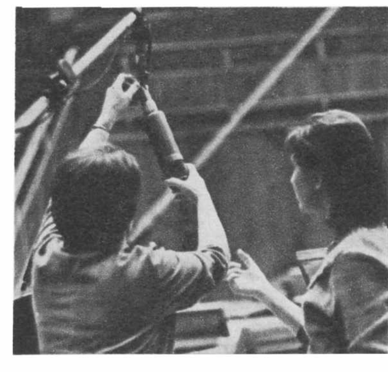
Но какая бы запись ни шла — литературная или музыкальная,— главнокомандующий здесь звукорежиссер. Он держит ответ за художественное и техническое качество записи перед миллионами будущих слушателей.

Весь звук радиовещания и телевидения, репортажные записи, пленки для магнитофонов, которые поступают в продажу,— всем этим ведает Государственный дом радиовещания и звукозаписи.

Здесь же в специально отведенных комнатах на полках живут голоса. Тринадцать речей Ленина сохранены для человечества. Голоса Маяковского и Патриса Лумумбы, Яхонтова и Багрицкого, концерты в исполнении Рахманинова и Скрябина, Крейслера и Стоковского — восемьдесят тысяч оригинальных записей хранятся в фондовой фонотеке. Каждое воскресенье концертный зал дома заполняется народом, слушают редкие записи. А для того, чтобы познакомиться со всеми, пришлось бы их слушать без сна и отдыха 450 суток.

Пионерская зорька. Читает заслуженный артист республики Николай Александрович.

Звукооператоры всегда появляются первыми.

Реставратор В. Н. Евдокимов.

ток с напряжением от 12 до 100 вольт.

Такие трансформаторы необходимы для различных приборов искусственных спутников и космических кораблей. Возможно, он найдет применение и в будущих крупных гелиоэлектрогенераторах, которые смогут превращать энергию солнечных лучей в электроэнергию.

●

НОВОЕ ОБ АПЕЛЬСИНЕ

Как утверждает итальянский исследователь доктор Ровести, апельсины в ближайшее время будут играть решающую роль в некоторых областях медицины и косметики.

К сожалению, люди, не знающие достоинств этого плода, съедая апельсин, выбрасывают то, что в нем самое ценное, то есть кожуру. А между тем именно в кожуре содержится померанцевое масло, в которое входят химические соединения, обладающие чудодейственной силой. Благодаря сильному бактерицидному действию масло может широко использоваться как дезинфицирующее и профилактическое средство от целого ряда болезней.

Женщины, конечно, заинтересуются тем, что препараты, полученные из померанцевого масла, являются, по словам Ровести, незаменимым средством против морщин, увядания кожи.

●

САМОЕ ВЫНОСЛИВОЕ ЖИВОТНОЕ

На юго-восточных берегах Азии живет рачок, считающийся самым выносливым животным на нашей планете. Он легко переносит большие колебания температуры и быстро приспосабливается к самым различным условиям жизни. Этот рачок — единственное существо, которое могло бы жить даже в Мертвом море, где высокая концентрация соли убивает малейшие следы жизни, кроме бактерий.

●

СКУЛЬПТУРЕ ДЕЛАЮТ УКОЛЫ

Многие старинные скульптуры, выполненные из дерева, пожалуй, не сохранились бы до наших дней, если бы за ними постоянно и заботливо не ухаживали работники музеев. Дело в том, что из каждых 100 древних деревянных скульптур 80 поражены различными вредителями. Крупными специалистами по уходу за старинными произведениями искусства считаются работники французских музеев. Инъекции, которые делают они древним скульптурам, уничтожают вредных насекомых и одновременно укрепляют структуру материала.

●

ИНТЕРЕСНЫЙ ГИБРИД

Более ста лет ученые-селекционеры многих стран пытались создать гибрид рыбы, в котором сочетались бы жизнестойкость карася и превосходные качества карпа — его мясистость, скороспелость. Но добиться хороших результатов не удавалось. Выведенные особи были бесплодны.

Недавно сотрудники Украинского научно-исследовательского института рыбного хозяйства Александр Иванович Кузьма и Василий Гаврилович Томиленко вывели новую промысловую породу рыб — гибрид карпа и карася. В наследство он получил ценные качества своих родителей. Гибриды хорошо размножаются, стойки к заболеваниям, дают хорошие привесы.

●

В ПЕЩЕРЕ ПЕРГУЗЕ

Французский спелеолог Ги Аструк в Пергузе, на берегу реки Лот, обследовал пещеру, служившую святилищем 35 тысяч лет тому назад. Стены этой пещеры покрыты наскальными рисунками. Интересно, что эти рисунки принадлежат двум различным эпохам. Поздние рисунки — примерно 15-тысячелетней давности — говорят о более реалистичном восприятии первобытного художника. Является загадкой: почему рисунки разных стилей и давности не встречаются в одних и тех же залах, как это наблюдалось в других пещерах?

Пещера Пергузе 112-я по счету в Европе, украшенная наскальными рисунками. Ее обследование еще не закончено.

ЖИЗНЕУТВ ТА

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

Александр Евдокимович Корнейчук.
Фото Н. Козловского.

Фронт... фронт... фронт... Этим словом поверяли, как в походном строю, каждое мгновение своей жизни миллионы советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Это было в Челябинске в августовские дни сорок второго года, когда Малый театр ждал приказа о возвращении в Москву. Читаю в госпиталях стихи о Родине... Воины, прошедшие первый год народного испытания, слушают Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Асеева, Суркова, Симонова. Смеются, и плачут, и в гневе приподнимаются с коек, и своим великим гневом утверждают бессмертие русской поэзии...

В эти же дни «Правда» в нескольких номерах печатает новую пьесу А. Корнейчука — «Фронт». И возникает сразу мысль: да разве можно сказать о фронте что-либо еще после того, что видели и совершили те, кто сегодня не только слушал нас, актеров, но и рассказывал нам суровую повесть о своих судьбах?! Читаю «Правду», и возникает другая мысль: да, это — новое слово в советской драматургии, смелое слово, сказанное писателем-гражданином. Читаем солдатам в госпитале первое действие пьесы «Фронт», и эту картину надо было бы видеть драматургу! Воины так отзывались на каждое слово действующих лиц пьесы, так эмоционально воспринимали все их поступки, что не оставалось сомнений — это правда. И первые они, герои битв, дали ходкое словечко — «горловщина». К 25-й годовщине Октября — 5 ноября 1942 года — состоялось первое представление пьесы «Фронт» в Малом театре в Москве. Образ командующего армией Огнева, который мне довелось воплотить в этом спектакле, до сих пор живет в моем сердце. Коллектив старейшего русского театра вдохновенно исполнял в те годы пьесу Александра Корнейчука.

Вспомните, друзья, соратники по искусству, хотя бы первый поединок Огнева с Горловым!..

ГОРЛОВ. Давай, Огнев. Коротко.

ОГНЕВ. И очень, товарищ командующий. Приказ выполнен. Хотя совершенно не понимаю, для чего.

«Фронт» был откликом сердца и разума писателя-коммуниста. И сейчас, через двадцать с лишним

«ПАНФИЛОВЦЫ»

Н. ТОЛЧЕНОВА

— Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!..— сказал политрук Василий Клочков, завещая память о себе и о своих друзьях будущему.

Крылатые слова люди сберегли, сохранили, донесли до нынешних дней. Но какой он был, Клочков? Какими были его товарищи — двадцать семь панфиловцев, разгромивших под Москвой, у разъезда Дубосеково, пятьдесят немецких танков?.. В чем секрет легендарной стойкости частей Панфилова, оборонявших Москву в ее самые трудные военные дни? Как жил, работал, воспитывал бойцов и офицеров Иван Васильевич Панфилов — любимец народа и армии?..

Разве не интересно нам сегодня узнать все о панфиловцах?..

И что ж вы думаете, нашлись люди, которые отвечают на все наши расспросы,— удивительно задушевно, прямодушно, сердечно.

Один из них — близкий друг Панфилова. Его давний соратник. Комиссар полка, оборонявшего Москву. Петр Васильевич Логвиненко. Он приехал в Ярославль по приглашению Ф. Е. Шишигина, главного режиссера театра имени Волкова, консультировать пьесу «Панфиловцы» И. Назарова.

В сценической редакции и постановке Фирса Ефимовича Шишигина — он вложил огромную страсть и энергию в новую работу театра, отвечающую на самые высокие гражданственные запросы зрителя,— «Панфиловцы» стали живым памятником героям. Но не застывшим монументом, а ожившей судьбой простых и добрых людей, которая тем и потрясает, что они ничуть не думали о себе, о своем героизме и величии.

Умно и оригинально построил режиссер действие. Расходясь как бы по центробежной от главного образа — командира дивизии Панфилова — ко множеству эпизодических персонажей, опять и опять набирает оно центростремительную силу, возвращая наше внимание к образу комдива.

Душевная суть командующего дивизией, обязанного отстоять Москву, выявляется постепенно и становится все ясней по мере того, как растет напряженность военной ситуации, ее неподдельный драматизм.

Перед нами пожилой, умный, зорко посматривающий вокруг, сдержанный человек. Самая обычная, казалось бы, внешность военнослужащего. Сразу в нем ничего не распознаешь, и тем сильней покоряет человечность и мысль. А еще — юмор, скрытая добрая усмешка...

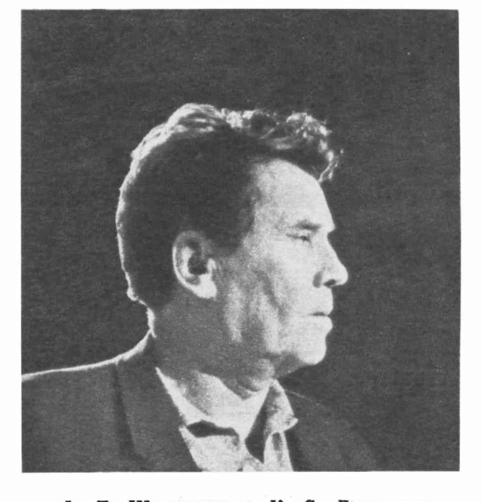
Мудрым, ясным, целеустремленным видят Панфилова и режиссер, и оба великолепных исполнителя роли — актеры С. Ромоданов и В. Нельский.

Ведя оборонительные бои под Москвой и уже тогда подготавливая первое в ходе Отечественной войны наступление на немцев, Панфилов погиб... В этих боях участвовала дочь генерала, Валя. Она была старшей из пятерых детей Ивана Васильевича...

Валя жива; у нее тоже пятеро детишек. А тогда она, сестра медсанбата, была совсем еще юной, хрупкой девушкой, почти девочкой. Ее строго и ясно играют актрисы театра имени Волкова — Э. Сумская и Л. Охотникова.

Валя росла сорванцом, обожала отца и пошла за ним на фронт, приняв это решение безоговорочно, несмотря на горе и слезы матери... Скупые встречи отца и дочери на фронте полны такой силы чувств в спектакле, что их смотришь, замерев. И не стесняешься в это время слез — своих и соседей...

Как нельзя больше помог Логвиненко Шишигину и, конечно, актерам Ромоданову и Нельскому рассказами о Панфилове. Талантливейший русский самородок,

Ф. Е. Шишигин и К. С. Лисицын.

чапаевец, Иван Васильевич Панфилов всегда тянулся к знаниям. После гражданской войны, после боев с басмачами он добился серьезного образования и стал выдающимся деятелем Советской страны, сочетая в себе лучшие качества полководца, государственного и партийного работника, а главное, сохраняя чуткую, на редкость добрую душу «простолюдина». Подлинная интеллигентность генерала, если судить по рассказам Логвиненко, да и по самому Логвиненко тоже, отличалась каким-то особым демократизмом; ей был присущ народный

ЕРЖДАЮЩИЙ ЛАНТ

лет, я вижу, слышу этот спектакль с первых его репетиций, которые были четки и строги, как суровый развод часовых. Спектакль стал безотказным оружием в смертельной борьбе советского народа с гитлеризмом. Советские люди победили, и в их боевом арсенале был «Фронт» — пьеса с названием емким, коротким и сокрушительным, как орудийный залп по врагу.

Малый театр ставил одну за другой пьесы А. Е. Корнейчука. Перед зрителями прошли «Богдан Хмельницкий» и «В степях Украины», «Калиновая роща» и «Крылья», «Почему улыбались звезды» и, наконец, «Страницы дневника». Сколько замечательных сценических образов создали актеры всех поколений в этих пьесах? Не перечесть!

Что привлекает в драматургии Корнейчука наши театры? Прежде всего партийность, гражданская смелость, художническая зоркость, образное обобщение, типизация характеров и еще раз смелость. Вот уже тридцать лет не сходит со сцены многих театров мира «Платон Кречет». Не одно поколение советских людей прошло на этом спектакле в самых различных его постановках школу мужества и принципиальности в жизни и в работе. Этот спектакль будет жить и дальше, и новые поколения, быть может, будут вновь проверять по Платону Кречету свой жизненный путь.

Удивительно широк и многообразен творческий охват явлений у Александра Корнейчука: от брызжущей народным юмором комедии до глубокой психологической драмы, от скромной, непритязательной бытовой ситуации до исторического события мирового масштаба. За что актеры любят пьесы Корнейчука? За роли. В них всегда есть что играть, есть образ, характер, темперамент, даже в самых маленьких ролях. А случай с «Крыльями», когда Александр Евдокимович специально написал роль учительницы Горицвет для А. А. Яблочкиной? И с каким задором и блеском старейшая актриса ее исполняла!

Мы много пишем и говорим о народности. Драматургия А. Корнейчука истинно народна, пронизана жарким украинским солнцем, любовью к хорошим людям и беспощадностью к врагам. Играя в «Крыльях» секретаря обкома Ромодана, я словно видел за людьми, с которыми мне как герою пьесы приходилось встречаться в области, командующего Огнева, сражающегося вместе с солдатами за честь и свободу социалистической Отчизны. И это вдохновляло, и роль Ромодана становилась сложнее, глубже.

В Польше лет десять тому назад, когда Малый театр был там на гастролях, нам удалось увидеть в одном из польских театров спектакль «Гибель эскадры». И снова так захватила молодость этой пьесы и не отпускала до конца представления, что уж и не знал я, кого благодарить — чудесных в своей непосредственности актеров, драматурга или эпоху, породившую героическое зрелище...

Есть, к сожалению, в определенной части нашего молодого поколения люди, снобистски относящиеся к завоеваниям советской драматургии и театра. Думается, в этом есть и наша вина. Необходимо раскрыть искусством театра перед молодым поколением героику прошлого, настоящего и будущего, вновь показать на сцене романтику и силу гражданской и Отечественной войн. И кому, как не нашим опытным борцам в драматургии, по плечу решение такой задачи!

Драматургу Александру Евдокимовичу Корнейчуку, общественному деятелю, борцу за мир, — 60 лет. Хочется от всей души поздравить дорогого юбиляра, поблагодарить за радость творческих встреч и пожелать оставаться таким же смелым бойцом на фронте нашего искусства.

«Лет до ста расти вам без старости», дорогой наш Александр Евдокимович!

Сцена из спектакля «Крылья». Ромодан — М. Царев, Горицвет — А. Яблочкина.

На репетиции пьесы «Фронт» в Малом театре. И. Судаков (слева) и А. Корнейчук.

на репетиции «Панфиловцев». Фото Е. Умнова.

широкий настрой, истинно народное, веселое и доброжелательное отношение к людям и жизни.

При всей требовательности, положенной командиру, Иван Васильевич никогда не терял скрытого юмора и имел чеховскую мягкость в обращении с людьми. Первейшим долгом командира во всякой обстановке и при всех условиях он считал заботу о людях. Он всегда видел и понимал человека в солдате. А солдаты, видя человека в командире, платили ему полным доверием.

— Война — необычное и страшное для человека состояние, — говорил Панфилов офицерам. — Обязанность военачальников — помочь всем остальным преодолеть это состояние и делать свое дело, раз уж надо его делать! А делать надо. Война!..

Панфилов понимал, что война, начавшаяся внезапно и заставившая нашу армию отступить, не может быть не затяжной. Значит, не надо бояться, если тебя отрезали от своих! Надо уметь воевать и в окружении...

— Для нас вся земля остается своей, а немцу она всюду чужая, — неустанно повторял командир дивизии, вырабатывая под пулями и на марше, в затяжном сражении и в минуты короткой передышки новую тактику, новую маневренность, новые принципы ведения боев, подсказанные реальной, пусть самой тяжкой обстановкой.

— Искусство отступать — тоже искусство! Конечно, если хочешь наступать... И прежде всего надо беречь людей при отступлении!.. Умереть за Родину — важно. Но еще важней жить для Родины, чтобы пересилить вражескую силу.

Такие мысли звучали чуть ли не крамолой в ту пору, и к Панфилову «присматривались». Об этом знал Логвиненко, знали и другие друзья генерала. И все-таки он настойчиво внушал своим офицерам именно такие мысли... В спектакле Иван Васильевич советует политруку Клочкову не нацеливать солдата на смерть. Пусть храбро воюет, не думая о смерти!.. И Клочкова поражает простой, мудрый смысл замечания.

Очень важную в спектакле ярославцев роль Клочкова играют актеры Ф. Раздьяконов и Ф. Мокеев. Посмотрев их обоих, П. В. Логвиненко сказал, что Раздьяконов похож на Клочкова даже внешне! Оба они — истинные панфиловцы — учатся у своего генерала предугадывать победный исход войны, а главное — верить в этот исход, исподволь подготавливать его.

Воины Панфилова мужали в боях. Это хорошо видно по ходу спектакля. Оставаясь самими собой, люди получают как бы новое качество характера — бесстрашие. Их облик неуловимо, но явно меняется в чем-то главном. Живей, веселее и подвижней стал лукавый, но флегматичный вначале Бондаренко, которого чудесно играет участник Отечественной войны артист Л. Дубов. Словно повзрослел самый юный панфиловец, нежный и мечтательный Петренко; да и все бойцы, вставшие на подмосковных рубежах, теперь выглядят по-иному, иначе общаются друг с другом... Они живут по законам массового, народного героизма, как бы уже включающим богатейший опыт партизанской войны...

Не подозрительность и недоверие, а братский радушный прием находили «окруженцы» в частях комдива Панфилова. И буквально потрясает эпизод, когда Иван Васильевич лично выручает из неминучей беды воина, сумевшего вырваться из вражеского кольца. Из всех испытаний вынес он боевое знамя полка. И сохранил его на себе в неприкосновенности, как святыню.

— Сдать оружие! — с яростью требует от храбреца «особист».

— Отставить, — спокойно командует генерал. — Он герой!

С этими словами Панфилов протягивает «окруженцу» свои часы.

Крохотная сцена... А невозможно забыть побелевшее лицо воина-героя, глаза, полные гнева и боли... Исполнитель роли Константин Сергеевич Лисицын — герой и в спектакле и в жизни, в действительности.

Бои под Москвой, точнее, под Наро-Фоминском, и для него стали первым испытанием воли, всех нравственных сил.

Восемнадцатилетний ярославец, тогда рабочий сцены театра имени Ф. Г. Волкова, комсомолец Костя Лисицын начинал войну в тяжелый и памятный Москве день — 17 октября 1941 года. А закончил ее чуть больше, чем за неделю до Дня Победы, получив 27 апреля 1945 года под Берлином свое седьмое ранение...

Не раз в Ярославль матери Кости присылали похоронные — она уж и не чаяла больше встретить сына живым. Зато сам Костя верил, что будет жить; мечтал вернуться в театр и сыграть Яго.

Вот бывает же так иногда: сбывается мечта, самая заветная!..

Константину Сергеевичу, кажется, даже в голову не приходит, что высокое звание Героя Советского Союза, полученное им за подвиги, возможно, могло бы повернуть как-то по-иному его послевоенную судьбу. Он артист по призванию. И судьба его неотделима от родного театра.

Выглядит Лисицын, особенно когда он на сцене, да еще в роли, молодо. Однако сына его Вовку, электрика театра имени Волкова, на днях провожали в армию; пока он так повторяет путь отца — с самого начала...

...Вот и пойдет теперь с доброго почина первого русского театра, почина Фирса Шишигина, по всем театрам страны сильный, романтический, взволнованный спектакль о героях.

И все увидят, какие они были — панфиловцы...

Георгий ШТОРМ

175 лет назад, в конце мая 1790 года, первый русский писатель-революционер Александр Радищев закончил в собственной домашней типографии печатание своей книги, направленной против самодержавия и крепостников.

За это он был арестован, судим и сослан в Сибирь на десятилетнее поселение. Книга же его — замечательное «Путешествие из Петербурга в Москву»,— почти вся истребленная автором перед арестом, была к распространению запрещена.

Тем не менее рукописные копии с нее, иначе списки, стали появляться вскоре же после высылки Радищева. Число списков росло с каждым годом, и сейчас их насчитывается более семидесяти. Почти все они повторяют первое издание «Путешествия»; но три из них имеют важные, и притом одинаковые, дополнения, которых в первом издании нет.

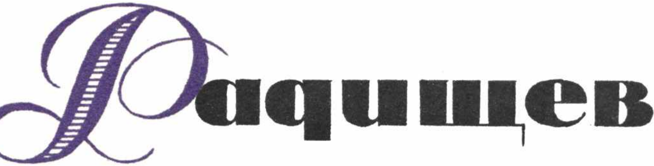
До сих пор считалось, что этот дополнительный текст написан Радищевым до издания книги. Но Г. П. Шторм заподозрил, что дополнения относятся к более поздней поре. Этой-то теме он и посвятил свою книгу, доказывающую, что Радищев, не сломившийся после всех испытаний, спустя годы после ареста и высылки вернулся к работе над своею книгою и ее дописал.

Но, чтобы прийти к такому выводу, писателю пришлось проработать несколько лет в архивах и прежде всего изучить историю этих трех списков. Что касается первого из них — так называемого «лонгиновского» списка Пушкинского дома, история его в общих чертах такова: список этот, очевидно, в целях конспирации, был тайно заказан родственницей Радищева Анной Ивановной Аргамаковой в одном удаленном от больших городов монастыре; об Анне Ивановне удалось, кроме того, выяснить, что она умерла в 1806 году в Москве, в доме П. А. Ушаковой; дом этот, частично уцелевший до настоящего времени, находится в Хилковом переулке под № 2.

Публикуемые отрывки из книги Георгия Шторма «Потаённый Радищев», выходящей в издательстве «Советский писатель», касаются истории второго списка «Путешествия», хранящегося в Литературном архиве, а до того поступившего в Литературный музей.

Эти отрывки рисуют интересный этап поисков, составляющий важное звено всего разыскания в целом.

Рассказ о встречах, к которым эти поиски привели, начинается с того, что Г. И. Сафронов, продавший в свое время Литературному музею рукопись «Путешествия», посещает автора, получив от него письмо.

Потаённый Радищев

1

—...Я проникся всей серьезностью ваших интересов...— начал, усаживаясь поудобнее в кресле, плотный пожилой человек интендантской внешности, в военной форме, но без погон.

Письмо подействовало, и Георгий Иванович по получении его не замедлил явиться ко мне с визитом. На сероватом лице и в светлых, холодных глазах его появлялось и быстро исчезало любезное выражение. Прикрывая им едва уловимое недовольство оттого, что приходится тратить время на не очень нужную ему беседу, он говорил:

— В сущности, никакого отношения к этой рукописи я не имею и сейчас вам все объясню. В 1939 году я служил в Москве бухгалтером треста коммунального хозяйства Фрунзенского (тогда еще Хамовнического) района. Шефом моим, главным бухгалтером, был Д*, Василий Павлович; пил он горькую, и, когда бывал в запое, получку обычно приходила получать жена. Д* часто брал у своих сослуживцев взаймы и однажды, задолжав мне некую сумму, предложил взять у него в уплату долга старинную рукопись — «Путешествие» Радищева. Он сказал, что рукопись эта ценная и что взял он ее у себя дома на чердаке из корзины, в которой много рукописных книг, оставшихся от какого-то политкаторжанина, родственника жены.

Из дальнейшего рассказа моего собеседника выяснилось, что Василий Павлович в начале Великой Отечественной войны умер; супругу же его Сафронов недавно видел; проживает она в Москве, где-то на Сущевском валу, в районе Марьиной рощи; к сожалению, ни имени, ни отчества ее он вспомнить не мог...

И я решил обойти этот район и ведущие к нему «подступы», а именно — Сущевскую улицу, перпендикулярную Сущевскому валу. Мой кустарный, почти фантастический план заключался в том, чтобы постепенно обследовать пространство намеченного района, знакомясь со списками жильцов в помещениях домовых контор.

Был конец зимы, февраль. Мокрая снежная пелена висела в воздухе, когда я, закончив на Сущевской улице обход домов с четными номерами, перешел на «нечетную» сторону — против дома № 31...

Длинный список жильцов висел в конторе на стене между окнами. Пробегая взглядом расположенные столбцом фамилии, я, дойдя до обитателей квартиры № 10, оторопел.

Но отнюдь не фамилия главного бухгалтера Д* привлекла мое внимание; в числе жильцов этой квартиры оказались: Цебриков Н. С., Цебрикова Н. М. и Цебриков Н. Н. (видимо, их сын).

На Сущевской улице, по адресу, приблизительно указанному Сафроновым, где я искал бывшую владелицу списка «Путешествия», обнаружились Цебриковы — фамилия, скорее всего, декабристского происхождения! Но список «Путешествия», который привел меня на Сущевскую улицу, был написан на бумаге начала XIX века и тоже мог иметь отношение к декабристам!.. Не значит ли это, что между вдовой Василия Павловича Д* и этими Цебриковыми есть какая-то связь?!

Я вышел из домовой конторы и разыскал дворника.

— Не проживал ли в этом доме Д*, Василий Павлович?

— Как же! Веселый был человек,— отозвался тот с усмешкой.— Да ведь он давно помер... А у нас в десятой квартире ихняя сноха живет...

«Сноха» мыла в полутемных сенях пол и при моем появлении, разгибая спину, сказала:

— Николай Семеныча вам?.. Он еще не приходил.

Я объяснил, что разыскиваю вдову Василия Павловича.

— Ольгу Семеновну?.. Уехала она отсюда в Марьину рощу...

Но более точный адрес «сноха» сообщить мне не смогла. Я покинул двор дома № 31, соображая, что Ольга Семеновна, очевидно, приходится Николаю Семеновичу сестрою, иначе говоря, является урожденною Цебриковою. Зная имя и отчество вдовы Василия Павловича, я через адресный стол узнал ее адрес и решил в тот же день, к вечеру, ее навестить...

2

...— Кто вы?!— не без оттенка испуга спросила, впуская меня в прихожую, бледная, круглолицая женщина лет шестидесяти, в круглых очках, еще больше оттеняющих бледность ее лица своей темной оправой, одновременно похожая на московскую просвирню и на провинциальную швею.

Для начала я сказал, что интересуюсь потомками декабриста Цебрикова. Хозяйка понимающе кивнула головою, открыла дверь в комнату, и я вошел.

— Садитесь, пожалуйста,— сказала она и сама села против меня за стол, накрытый пестрой, в немыслимых цветах скатертью.— Да, мы от декабристов, это верно. Нас, Цебриковых, несколько семей в Москве...

Через открытую форточку снаружи не доносилось ни звука. Деревянный дом барачного типа, в котором жила Ольга Семеновна, стоял в тихом Октябрьском проезде, упиравшемся одним концом в шумную Трифоновскую улицу, составляя с нею резкий контраст.

Пестрый «ситец» обоев, увешанных фотографиями, половички на полу, герань на подоконниках и мерный стук ходиков, казалось, исчислявших какое-то свое, допотопное время,— все это создавало забавный, очень старомодный уют.

Поговорив о Цебриковых, я, перейдя к делу, сказал:

— Меня, помимо декабристов, интересует еще Радищев...

— А у нас была рукопись Радищева,— тотчас отозвалась Ольга Семеновна,— собственной его руки...

Я не стал ее разубеждать, так как это не имело для меня значения, и, вынув из папки несколько фотокопий с принадлежавшей ей ранее рукописи, спросил:

— Узнаёте?

— Эта самая.

— Сомнений не вызывает?

— Какие же тут сомнения?..

— В таком случае, Ольга Семеновна, не можете ли вы сказать, как она к вам попала?.. Георгий Иванович Сафронов говорил мне, что она досталась вам от какого-то вашего родственника из политкаторжан.

Ольга Семеновна сделала строгое лицо и покачала головой, протестуя.

— Никакого Сафронова я не знаю,— произнесла она ледяным тоном,— и в сродственниках моих не было никаких политкаторжан... Рукопись эта не от меня, то есть не от Цебриковых, а от мужа моего, вернее сказать, от его отца, Павла Ивановича Д*, моего свекра.

— А чем свекор ваш занимался?

— Сорок лет,— ответила она не без гордости,— прослужил надзирателем в Бутырской тюрьме.

— Как интересно!

— Еще бы!.. Павел Иванович как станет, бывало, рассказывать о своей службе — заслушаешься... Помнил он, между прочим, как в тюрьму приходил Лев Толстой — посмотреть на Катюшу Маслову...

Я подумал тут, что к рассказу Ольги Семеновны следует отнестись с осторожностью; в частности, никакой ведь Катюши Масловой в Бутырках никогда не было и Толстой посетил эту тюрьму (около 1899 го-

да) просто для того, чтобы понаблюдать тюремный режим.

— Павел Иванович,— продолжала Ольга Семеновна,— всегда хорошо отзывался о политических, восхищался их умом и мужеством и был любим ими...

Было ясно, что она почему-то говорит как по-заученному, и я перебил ее:

— Но от кого же он получил рукопись?

— Вот этого уж точно сказать не сумею... Знаю только одно: от того, кого вынесли в сундуке.

— Как в сундуке?! Побег такой был, что ли?..

— Вот именно... Павел Иванович помог одному заключенному бежать. Тот ему перед побегом и подарил рукопись. А фамилии его не помню...

Тут в комнату вошла светловолосая, среднего роста девушка, очень крепкого сложения, с твердыми, суровыми чертами лица.

— Дочь... Надежда...— представила мне вошедшую Ольга Семеновна и объяснила ей, кто я и зачем пришел.

Мы проговорили втроем еще несколько минут. Затем я поблагодарил их обеих и удалился.

Стены мокрого снега обступили меня на улице.

Передо мной открывался интереснейший след истории одной из наиболее ценных копий «Путешествия из Петербурга в Москву».

С чьим именем связан был данный список? Не одного ли он происхождения с «лонгиновским»? И какова его история до момента, когда он попал в Бутырки?.. Попытаться узнать все это можно было, только просмотрев тюремный архив...

3

Оказалось, что архивные материалы Главного тюремного управления, Департамента полиции и Московского охранного отделения содержат подробности о необыкновенном побеге, совершенном из Московской центральной пересыльной тюрьмы (Бутырок) в 1906 году.

Побег произошел 20 мая этого года, в день, когда из тюремной больницы освобождался на поруки студент Московского университета Владимир Пржиходский; в корзине вместе с вещами Пржиходского был вынесен один из организаторов московской забастовки почты и телеграфа 1905 года, Константин Викентьевич Парфененко, разъездной чиновник отдела перевозки почт по железным дорогам. В приметах для розыска его сообщалось: «Рождения 1882 года; среднего роста, худощавый, блондин, носит пенсне» [1].

Следствием было установлено, что в побеге Парфененко виновны тюремные надзиратели Николаев и Царегородцев (а вовсе не надзиратель Д *, как утверждала Ольга Семеновна). Николаев сам запер на замок корзину и увязал ее веревками, не проверив предварительно, что в ней находится, и приказал больничному служителю и одному уголовному вынести ее во двор.

Во дворе действительно стоял в это время надзиратель Д *. Когда несшие корзину к нему приблизились, один из них пожаловался, что ноша очень тяжела. Д * отослал слабосильного арестанта обратно и вызвал двух служителей, которые вместе с первым вынесли корзину из ворот и поставили ее на пролетку [2]. Таким образом, никакого активного содействия побегу надзиратель Д * не оказал.

В деле департамента полиции о Всероссийском почтово-телеграфном союзе было отмечено, что Парфененко бежал за границу [3], так что, в сущности, не было никакой надежды разыскать его по прошествии пятидесяти с лишним лет.

Между тем в том же деле сообщалось, что Пржиходский перед выходом своим из тюрьмы поместил Парфененко в корзину, накрыл одеялом и затем заложил его своими книгами. Было очень важно узнать состав этих книг Пржиходского для определения круга его интересов, ибо «цебриковский» список «Путешествия» мог принадлежать и не Парфененко, а его товарищу, помогшему ему бежать.

Следственные материалы о Пржиходском не содержали ничего, направляющего на дальнейшие поиски, но в них говорилось, что студент математического факультета, сын начальника службы тяги Московско-Брестской (ныне Белорусской) железной дороги, эсер Пржиходский был арестован «по связям с известной Зинаидой Коноплянниковой», которая перед этим прожила в квартире Пржиходских — в доме Брестской железной дороги (у нынешнего Белорусского вокзала) — десять дней.

В мае 1906 года Пржиходский был выпущен на поруки, но, так как помог бежать Парфененко, скрылся. Вскоре опять арестованный, он был судим и выслан в Енисейскую губернию, откуда зимой 1910 года бежал.

Дальнейшие следы его терялись. Поэтому не оставалось ничего другого, как обратиться к документам об «известной Коноплянниковой», приехавшей в сентябре 1905 года в Москву из Саратова. Член партии эсеров, учительница, двадцати семи лет, она была арестована за связь с саратовской динамитной мастерской.

За три года до этого жандарм, доносивший о ней в департамент полиции, писал: «...у Коноплянниковой имеется большое количество книг, в которых говорится, что бога нет, а потому не может быть и земного царя, и что, кроме книг печатных, у Коноплянниковой есть и рукописные сочинения такого же рода».

И хотя жандармский донос не давал прямого повода к предположению, что среди этих рукописей сельской учительницы находился список «Путешествия» Радищева, контроля ради нужно было проследить до конца ее жизненный путь.

Ведь могло быть и так, что Коноплянникова привезла с собою список «Путешествия» из Саратова (города, с которым у родных Радищева была прямая связь). И могло же быть так, что она упомянула об этом авторе и его революционной книге в каком-нибудь своем письме или устном выступлении, когда ее судили и даже когда ее вели на казнь.

Если бы нечто подобное удалось обнаружить, можно было бы уже допустить, что список «Путешествия» от Коноплянниковой попал к Пржиходскому, а с ним (вместе с его книгами) — в Бутырскую тюрьму.

Тогда подвинулось бы решение вопроса о том, с какими общественными кругами связана история данного списка и правду ли сказала Ольга Семеновна, что историю этой рукописи надо восстанавливать не по линии цебриковской, декабристской, а совсем по другой...

Итак, кратко о Коноплянниковой и последних годах ее жизни.

Арестованная в середине сентября 1905 года, она через месяц была освобождена. А в феврале следующего года агенту охранки удалось добыть клочки ее разорванного чернового письма; она сообщала в нем своей организации, что собирается в Петербург, дабы «окончательно согласовать свою жизнь с идеей», и недвусмысленно намекала, что если в течение двух недель не получит конкретного задания, то сама по своему выбору и усмотрению совершит террористический акт.

Ей удалось обмануть бдительность полицейских агентов и летом 1906 года поселиться в окрестностях Петербурга.

А 13 августа на станции Новый Петергоф от ее руки пал усмиритель московского декабрьского вооруженного восстания, тот самый каратель Красной Пресни, которого В. И. Ленин называл «дикой собакой», генерал-майор Мин.

В 8 часов 7 минут вечера худощавая, смуглая, черноволосая женщина без шляпы, в черном платье, поверх которого было надето иссера-желтое пальто, в упор выстрелила из браунинга в спину генералу Мину несколько раз.

Зинаида Коноплянникова «окончательно согласовала свою жизнь с идеей».

Ее одиночные выстрелы не помогли делу и, как это всегда бывало в подобных случаях, только усилили правительственный террор.

26 августа при Трубецком бастионе Петропавловской крепости, где за восемьдесят лет до того судили декабристов, военно-окружной суд приговорил Коноплянникову к смертной казни, а в ночь с 28 на 29 августа специальный катер доставил ее в Шлиссельбург.

Выслушав приговор, она отстегнула от платья белый крахмальный воротничок, обнажила шею и дала связать себе руки. Палач быстро управился с нею. Потом, когда все было кончено, он обыскал казненную, достал из кармана ее платья яблоко и тут же, не отходя от виселицы, стал есть...

Итак, все три линии поиска — о Парфененко, Пржиходском и Коноплянниковой,— прослеженные с целью выяснить какое-либо отношение этих лиц к списку «Путешествия» Радищева, обрывались безрезультатно. Но досаднее всего был обрыв поисковой линии, связанный с Парфененко, так как именно его «вынесли в сундуке».

Между тем газетные статьи и листовки 900-х годов, а также относящиеся к этому периоду архивные материалы подтверждали возможность проникновения в московские тюрьмы «Путешествия» в годы первой русской революции, так как радищевские идеи продолжали жить в русской революционной среде.

Передовые московские газеты широко отметили в 1902 году сто лет со дня смерти Радищева. Внимание властей в особенности привлекла статья В. Е. Якушкина. Московский обер-полицмейстер Трепов написал по этому поводу одной своей знакомой — начальнице Елизаветинской гимназии в Москве О. А. Талызиной — следующее (неопубликованное) безграмотное письмо:

«...Радищев был социал-демократ, что в екатеринское время не могло быть терпимо. Якушкин же — революционер, и если ему до сих пор не свернули шею, то это только благодаря протекции сильных людей, за него заступающихся. Он в годину Пушкинских торжеств произнес такую речь, за которую был выслан из Москвы...» [4].

«...О Радищеве я сужу совершенно правильно,— развивал свою мысль Трепов в другом (тоже неопубликованном) письме к Талызиной,— лучшим доказательством этого служит то, что за него ухватилась теперь наша мерзкая печать с «Русскими ведомостями» во главе...» [5].

3 января 1903 года, ко дню двухсотлетия русской печати, была выпущена листовка Петербургского комитета РСДРП. «Там, где есть еще самодержавие,— говорилось в этой листовке,— не может быть свободы мысли и слова. Вместе они не могут ужиться... Первый это понял писатель Радищев сто лет тому назад...» [6].

Все это вызывало настойчивое желание продолжать поисковую линию Парфененко, но возможности для этого я не видел. Тогда я решился на шаг простой и наивный — заказать о нем в адресном столе справку. И тут случилось «чудо»: человек 1882 года рождения, пятьдесят лет назад бежавший из царской тюрьмы и скрывшийся за границу, оказался «живым и здоровым», проживающим в Москве, на Лефортовском валу...

4

...Худощавый, ниже среднего роста, пожилой человек, нисколько не удивившись моему появлению, распахнул дверь в свою залитую солнцем комнатку, не сводя с меня взгляда внимательных, добрых глаз.

Его редкие, зачесанные назад табачного цвета волосы были чуть тронуты сединою,

---

[1] ЦГАОР, Департамент полиции. Делопроизводство 7-е; ч. 34, т. II, д. 2, лл. 61 об.—62.
[2] ЦГАОР, Департамент полиции, ДО, д. 2, ч. 46-А, лл. 15—18.
[3] ЦГАОР, ф. 63, д. 834, л. 100.

[4] ОПИ ГИМ, ф. 313, ед. хр. 3, лл. 3 об.—4 с об.
[5] ОПИ ГИМ, ф. 313, ед. хр. 3, л. 8 об.—9 с об.
[6] «Листовки петербургских большевиков» 1902—1917 гг., т. I, Госполитиздат, 1939, стр. 16—17.

да и вся его внешность — маленькие, темные, живые глаза и невозмутимая собранность лица, почти пощаженного морщинами,— не позволяла дать ему больше, чем пятьдесят пять — шестьдесят лет.

По подоконнику были рассыпаны ягоды сушеной рябины. Железная кровать застлана суровым простым одеялом. Небольшой обеденный стол, два стула. На столе — полки с папками и связками газетных вырезок, а рядом с ними — тарелки, хозяйственно поставленные на ребро.

Объяснив Константину Викентьевичу, что я писатель, интересующийся некоторыми деталями его побега, я стал задавать вопросы. Он отвечал охотно, без какой бы то ни было уклончивости. Беседа вязалась легко.

— ...Вам, кажется, удалось бежать за границу?

— Да, я провел много лет в Париже.

— А когда вы вернулись?

— В тысяча девятьсот двадцать первом году. Я был выслан из Франции вместе с четырьмя коммунистами. Наш отъезд даже запечатлен фотографом...— И он, потянувшись к полке, извлек из связки газет номер «Фигаро».

— Но ведь вы беспартийный,— заметил я с недоумением.

— Да, но французские власти сочли меня опасным.

— А почему Пржиходский помог бежать вам, а не кому-либо другому?

— Просто товарищеская солидарность... Был и другой претендент на корзину, но ростом не подошел.

— Вы хорошо помните обстоятельства вашего побега?

— Еще бы!.. Помню, как учился дышать в корзине, как Пржиходский накрыл меня одеялом и завалил книгами... Помню, как барачный служитель и какой-то заключенный вынесли корзину во двор, поставили ее на землю у ног надзирателя и один из них сказал: «Тяжела! В такой корзине человека вынести можно!..» Вы понимаете, что я пережил в этот момент?..

— Скажите, Константин Викентьевич, не называл ли Пржиходский каких-либо своих друзей или родственников?— спросил я с намерением расширить свои сведения об этих двух людях.

Парфененко посмотрел на меня снисходительно.

— В тюрьме,— сказал он с усмешкой,— о друзьях и родственниках не говорят.

— А вы могли бы вспомнить, какие книги были в тюремной больнице у Пржиходского?

— Исключительно по физике и математике.

— А вот такой книги, рукописной, у него либо у вас не было?— спросил я, вынимая из портфеля пачку фотокопий с «цебриковского» списка «Путешествия».— Для меня,— добавил я,— это очень важно, и я сейчас вам объясню, почему...

Парфененко с интересом меня выслушал, потом взял мои фотокопии, внимательно просмотрел и, возвращая их мне, сказал:

— Могу вас заверить, что этой рукописи ни у меня, ни у Пржиходского в тюрьме не было. Память моя до сих пор мне не изменяла, и я не забыл бы такой случай. А скоропись мы тогда умели читать...

Я отметил про себя это многозначительное «мы», явно подчеркивавшее высокий культурный уровень ветеранов революции. А Парфененко продолжал:

— «Путешествие» Радищева я читал, читал, именно находясь в заключении; но то была п е ч а т н а я книга, изданная в то время несколько раз подряд. Что же касается истории, рассказанной вам бывшей владелицей рукописи, мне кажется, что вас из каких-то соображений пустили по ложному следу...

И я подумал, что этот бывалый человек, кажется, прав...

Да, сказал я себе, оказавшись на улице, список, конечно, «цебриковский». Но утверждение это надо еще проверить!.. Придется изучить биографии наиболее известных Цебриковых и прежде всего выяснить по московским справочникам, какие представители этой фамилии, помимо уже мне известных, жили за последние тридцать — сорок лет в Москве...

5

Адресная и справочная книга «Вся Москва» была просмотрена более чем за четверть века. В результате удалось сделать наблюдение, которое в данном «исследовательском хозяйстве» иначе, как чрезвычайно важным, назвать нельзя.

Наряду с Цебриковым Яковом Федоровичем, ломовым извозчиком, проживавшим на Каланчевской улице, и Цебриковым Алексеем Васильевичем, домовладельцем в Марьиной роще, обнаружилось целое гнездо Цебриковых на Остоженке, в непосредственной близости от дома, принадлежавшего в начале XIX века П. А. Ушаковой, где умерла родственница Радищева Анна Ивановна Аргамакова, владевшая оригиналом особой редакции «Путешествия из Петербурга в Москву».

Так, на самом углу Хилкова (по-старинному 2-го Ушаковского) переулка и Метростроевской (бывшей Остоженки), в доме № 35, в каких-нибудь ста с лишним метрах от дома П. А. Ушаковой, еще в 1917 году проживала вдова генерал-майора Мария Моисеевна Цебрикова. Заслуживало внимания и другое: не так далеко от этого дома, по прямой на расстоянии тоже всего нескольких сот метров, находился трест коммунального хозяйства Хамовнического района, где в 30-х годах главным бухгалтером был Василий Павлович Д *.

А в доме № 7 по 1-му Ильинскому (ныне Обыденскому) переулку, на той же Остоженке в предреволюционные годы и, видимо, в первые годы Советской власти проживал со своею семьей сын генерал-майора, приват-доцент Московского университета по кафедре геологии Владимир Михайлович Цебриков; удалось также установить, что он племянник знаменитой Марии Константиновны Цебриковой, напечатавшей в 1890 году свое «Письмо императору Александру III», заканчивающееся словами: «Мера терпения переполняется... Вы не услышите проклятий потомства, их услышат дети ваши, и какое страшное наследство передаете вы им...».

И я вплотную занялся изучением биографий Марии Константиновны и ее племянника Владимира Михайловича, а также ближайших их предков, родоначальником которых был Максим Цебрик, простой казак.

Его сын Роман, вольнодумец XVIII века, приобрел известность как переводчик и прослужил много лет в коллегии иностранных дел. Сестра его жены, Варвара Александровна, была замужем за генералом от инфантерии Б. Я. Княжниным — сыном Якова Княжнина, автора нашумевшей трагедии «Вадим Новгородский». Как известно, трагедия Княжнина о «сыне вольности» Вадиме и «Путешествие» Радищева — книги одной трагической судьбы.

Поклонница Вольтера, Варвара Александровна Княжнина имела литературный салон, где собирались литераторы того времени и где, конечно, была так же свежа память о Радищеве, как и память о свекре хозяйки дома — безвременно погибшем Якове Княжнине.

Сын Романа Цебрикова, поручик лейбгвардии Финляндского полка Николай, был разжалован в рядовые за участие в восстании декабристов. Солдатскую лямку тянул на Кавказе около десяти лет.

В начале 50-х годов получил место управляющего суконной фабрикой под Тамбовом и сошелся там с отпущенной на волю крестьянкой А. А. Титушкиной; от этой внебрачной связи у них родился сын Николай.

В своей переписке этих лет Николай Романович выражал надежду на скорое «уничтожение крепостного состояния» [1].

[1] ИРЛИ (Пушкинский Дом). Архив Е. П. Оболенского, ед. хр. 606/29. Письмо Н. Р. Цебрикова от 19.X—1852 г., л. 2, Автограф.

Известно, что после его ареста в декабре 1825 года остались книги и какие-то рукописи.

Племянница Н. Р. Цебрикова, замечательная русская женщина Мария Константиновна, испытала на себе его благотворное влияние и сохранила о нем благодарную память до конца своих дней.

На личном счету самой Марии Константиновны департамент полиции числил целую серию политических дел. Среди них (помимо широко известного «Письма» царю) значились: учреждение в Швейцарии женского социал-демократического общества, сочинение брошюры «Теория ценности по Марксу» и распространение революционных идей в народе путем устройства библиотек.

Она вела обширную переписку, в том числе с проживавшим в Москве своим племянником, приват-доцентом Московского университета геологом и минералогом Владимиром Михайловичем Цебриковым. Департаменту полиции и московской охранке он был знаком достаточно хорошо.

В 1896 году В. М. Цебриков «привлекался к дознанию» по делу кружка народовольцев-террористов, задумавших убить Николая II во время коронации его в Москве [2].

В. М. Цебриков был выслан из пределов Московской губернии на два года, а по отбытии срока снова приступил к университетским занятиям.

Последний по времени документ, упоминающий о нем в делах университета, датирован 5 мая 1917 года.

В советское время из всех московских Цебриковых геолог и минералог Владимир Михайлович жил ближе всех других к дому, где умерла Анна Ивановна Аргамакова, владевшая оригиналом особой редакции «Путешествия из Петербурга в Москву».

...Передо мной четыре биографических справки о четырех представителях рода Цебриковых, которые, отражая идеалы своего времени, каждый по-своему боролись с самодержавием на протяжении ста тридцати лет.

Судя по данным их биографий, каждый из них м о г б ы б ы т ь о б л а д а т е л е м с п и с к а «П у т е ш е с т в и я», попавшего после долгих странствий в Литературный архив. Здесь могла иметь место и своеобразная эстафета — передача рукописи от предка к потомку: близкий родственник Княжнина, вольнодумец Роман Максимович, мог передать ее своему сыну, Николаю Романовичу, впоследствии декабристу, тот — своей племяннице, женщине демократических убеждений Марии Константиновне, а она — своему племяннику, народовольцу Владимиру Михайловичу. Но могло быть и не так.

Любое из этих лиц могло приобрести или получить данный список с а м о с т о я т е л ь н о, а н е п у т е м с в о и х р о д с т в е н н ы х с в я з е й. И в этом отношении минералог и геолог В. М. Цебриков казался наиболее подозрительным из всех четверых.

Во-первых, не только он, но и его родители жили в Москве, в непосредственной близости от дома, где умерла Анна Ивановна Аргамакова; во-вторых, настораживало довольно близкое соседство В. М. Цебрикова с местом службы Василия Павловича Д *, жене которого, урожденной Цебриковой, достался, по словам Сафронова, этот список «Путешествия из Петербурга в Москву»...

Я решил, что биографии наиболее интересных для моего разыскания Цебриковых изучены мною достаточно. У меня теперь был материал для дополнительной беседы с Ольгой Семеновной. И я снова отправился в Марьину рощу.

Стоял июнь с дневным зноем и ночными ливнями. Близ площади Коммуны буйно

[2] ЦГАОР, Департамент полиции. Делопроизводство 7-е, д. 297, л. 3 с об.

Н. Федосов (Москва). ОТДЕЛ КОНТРОЛЯ. ТЕКСТИЛЬНЫЙ КОМБИНАТ ИМЕНИ Я. М. СВЕРДЛОВА.

Э. Козлов (Ленинград). РОДНАЯ ЗЕМЛЯ.

Е. Чарский (Ростов-на-Дону). В НОВОМ ДОМЕ.

зеленела листва бульваров. Лето было в полном цвету...

6

И вот снова тихий Октябрьский проезд. Тень молодых кленов прикрывает меня от солнца, и я, стараясь держаться затененной стороны тротуара, приближаюсь к знакомому мне деревянному дому, похожему на барак.

Вот и ведущая на второй этаж лестница. Звонок. Сейчас появится на пороге Ольга Семеновна; я уже представляю себе ее круглое бледное лицо в очках.

Но дверь мне открыла дочь Надежда Васильевна — матери не оказалось дома. Меня узнали и пригласили войти.

И я опять в комнате с «ситцевыми» обоями, фотографиями на стенах, геранью на подоконниках и мерным, тупым стуком ходиков в тишине.

Светловолосая, суровая, коренастая девушка с сильными загорелыми руками и шеей села против меня за стол и произнесла тоном, в котором любезность и сдержанное раздражение были смешаны пополам:

— Вы по поводу предка нашего — декабриста?..

Я кивнул головою.

— Но ведь, строго говоря,— продолжала она, задумчиво теребя бахрому скатерти,— мы происходим не от Цебрикова, а от одного из его крепостных. Фамилии же прадедушки никто не знает...

— А как звали вашего деда по линии матери?

— Семен Яковлевич.

— Значит, прадеда звали Яковом?

— Выходит, да...

Я стал соображать: Николай Романович Цебриков крепостных не имел; но мать его внебрачного сына Николая Титушкина была до получения вольной от помещика крепостною. Но, быть может, Яков был другим внебрачным сыном Цебрикова-декабриста и в отличие от Николая Титушкина получил впоследствии фамилию своего деда?.. В подтверждение этой догадки я вспомнил одно место из письма М. К. Цебриковой к редактору сочинений А. И. Герцена — М. К. Лемке, где она писала, что «у дяди ее были многие легкие приключения...» [1]. Во всяком случае, связь Цебриковых XVIII и XIX столетий с теми, в доме которых я находился, была бесспорной, и никакими отговорками разубедить меня в этом было нельзя...

Тут я нашел уместным сообщить моей собеседнице, что, как мне стало известно, еще несколько Цебриковых проживали не так давно на Остоженке.

Она пропустила эти мои слова мимо ушей.

— Надежда Васильевна,— сказал я после некоторого раздумья, меняя тему.— А ведь я разыскал того, кого вынесли в сундуке.

В ее лице что-то дрогнуло; затем оно как бы закаменело.

— Не понимаю...— И она недовольно свела брови.

— По словам Ольги Семеновны,— пояснил я,— находившийся у вас список «Путешествия» Радищева достался вашему деду Павлу Ивановичу от заключенного, бежавшего из тюрьмы в сундуке.

— Ну и что же?

— Этого заключенного, совершившего такой побег пятьдесят лет назад, я нашел — его фамилия Парфененко; но он утверждает, что никакого списка «Путешествия» никогда не имел.

Она нахмурилась еще сильнее и, снова затеребив бахрому скатерти, сказала:

— Он мог забыть об этом.

— А быть может,— продолжал я, наступая,— тут недоразумение: не допускаете ли вы, что мама ваша ошиблась? Ведь Георгий Иванович Сафронов прямо говорит, что рукопись эта раньше принадлежала родственнику вашей матери — какому-то политкаторжанину...

— Георгий Иванович не знает! — перебила она меня с резкостью, какой я не ожидал.

Я мысленно усмехнулся, отметив, что Ольга Семеновна решительно отрицала свое знакомство с Сафроновым; дочери же он, оказывается, был хорошо знаком...

Между тем она продолжала тем же не допускающим возражений тоном:

— Думаю, что ничего другого об этой рукописи вам у нас узнать не удастся! Мы будем стоять на этой версии!..

Тон, каким это было сказано, и самый подбор выражений заставили меня еще раз мысленно усмехнуться, ибо так разговаривать мог лишь человек, вынужденный что-то скрывать.

— Что ж,— сказал я, делая вид, что решительно ничего не заметил,— придется удовлетвориться этой версией.

— А когда будет напечатана ваша работа? — озабоченно спросила она.

— Вам интересно было бы ее прочесть?

— Разумеется.

— Трудно сказать, когда я ее закончу. Может быть, на это уйдет год, может быть, два.

Затем я поблагодарил ее, попрощался и направился к выходу.

— Погодите!..— внезапно окликнула она меня, явно волнуясь и, видимо, уже будучи не в состоянии скрыть волнение.— Скажите, пожалуйста... на Остоженке остались еще какие-нибудь Цебриковы?..

— Не знаю,— ответил я самым равнодушным тоном, на какой только был способен.— До сих пор меня не интересовал этот вопрос...

...Итак, мое предположение оправдалось: в сущности, Надежда Васильевна в беседе со мною невольно подтвердила то, что Ольга Семеновна пыталась скрыть.

Я покинул Марьину рощу с чувством полного удовлетворения: история с заключенным, «которого вынесли в сундуке», была рассказана, чтобы сбить меня с толку, это был ложный след! Теперь для меня было ясно, что список Литературного архива в свое время принадлежал остоженским Цебриковым, с которыми Ольга Семеновна и ее дочь Надежда по какой-то причине боялись обнаружить свою связь.

Кто же из остоженских Цебриковых был владельцем рукописи до того, как она попала к Ольге Семеновне? Конечно, минералог и геолог Владимир Михайлович: ведь это он арестовывался и высылался из Москвы при царском режиме, и это его имел в виду Сафронов, говоря о каком-то «политкаторжанине», от которого Ольге Семеновне досталась «целая корзина» рукописных книг.

Что же заставило ее скрывать их происхождение? Какие-то причины у нее на это были... И я представил себе, что дело, по всей вероятности, обстояло так: Василий Павлович Д*, главный бухгалтер треста коммунального хозяйства Хамовнического района, заполучил эти рукописи после смерти остоженских Цебриковых или выезда их в другой город, видимо, использовав для этого свое служебное положение и свои родственные права...

Я и не заметил, как добрел в душных июньских сумерках до Трубной площади и двинулся пешком к площади Пушкина и далее — по бульварному кольцу.

Оставив позади Арбат и миновав Кропоткинские ворота, я повернул на Метростроевскую, где меня неудержимо влек к себе в 1-м Обыденском переулке дом № 7.

Лифта не было. Поднявшись на верхний этаж, наугад нажал звонковую кнопку и объяснил открывшей мне дверь средних лет женщине, что я ищу старожилов и хочу разузнать о Цебриковых, проживавших здесь много лет назад.

— А у нас таких памятных людей нет,— ответила она.— Все жильцы молодые. А вы зайдите в квартиру под нами: там живет Виталий Ипполитович Соболевский, он помнит всех...

Спустившись этажом ниже, я еще раз рискнул проникнуть в мир чужой, устоявшейся жизни. Навстречу мне вышел широкий в плечах, горбоносый, почтенного возраста и артистической внешности человек в восточном халате и мягких домашних туфлях; у него были насмешливые, быстрые глаза и не по годам молодое лицо.

Я спросил о Цебриковых.

— Конечно, помню!..— откликнулся он мгновенно и любезно пропустил меня в комнату, которую можно было бы принять за гостиную, если бы не обилие книг всюду, а также библиографических карточек и каких-то таблиц на столе.

Между тем Виталий Ипполитович говорил:

— Владимир Михайлович Цебриков, мой коллега, минералог и геолог, жил как раз надо мною. Он часто играл на рояле, и я стучал в потолок палкой...

— Он вам мешал заниматься?

— Напротив! Я просил его играть громче...— И Соболевский продолжил прерванную мною мысль: — Стало быть, вы хотите знать, куда делись Цебриковы?.. Если не ошибаюсь, в двадцатом году уехали за границу и не вернулись. Некоторое время тут оставался их сын Юрий, но потом и он куда-то исчез.

— Значит, эмигрировали.

— По-видимому.

Я сказал:

— Владимир Михайлович, как мне известно, боролся с самодержавием, а революции испугался?

— Да ведь не он один...

Тут Соболевский, очевидно, решил, что пора задать мне вопрос, который он из чувства такта не задал сразу.

— Простите,— обратился он ко мне.— На какой же почве возник ваш интерес к Цебриковым?

— На почве историко-литературной...— И я кратко, но стараясь, чтобы рассказ мой был для собеседника интересен, объяснил ему, что привело меня в этот дом.

Я не упустил ничего существенного, упомянув о направлении моих поисков в районе бывшей Остоженки, о линиях Аргамаковых, Грибоедовых и Радищевых, связанных близким родством...

— Ну, это как раз известно,— заметил, ничуть не удивившись, Виталий Ипполитович, заставив меня оторопеть.

— То есть как известно?! Вы где-нибудь об этом родстве читали?!

— Нет, но в памяти отложилось, может быть, даже с детства.

— А вы не потомок друга Пушкина — Соболевского? (Я подумал: не путем ли устной семейной традиции эти сведения о Грибоедовых и Радищевых дошли до моего собеседника, ведь Пушкин вполне мог это знать.)

— Соболевскому Сергею Александровичу,— ответил разговорчивый и любезный хозяин,— я какая-то седьмая вода на киселе... Но не вижу связи между вашим вторым вопросом и первым. Просто-напросто мы, остоженские старожилы, знаем кое-что о людях старой Москвы...

...Выйдя от Соболевского, я побрел по светлому от луны 1-му Обыденскому переулку, а затем по 2-му, чтобы в тишине обдумать содержание и значение бесед этого дня.

«Итак,— размышлял я,— мое предположение подтвердилось: Цебриковы уехали и не вернулись, а оставшиеся в их квартире вещи, в частности рукописи, видимо, достались их родственникам — Василию Павловичу и Ольге Семеновне Д*». Но не это имело значение для меня.

Оба списка «Путешествия» — монастырский и «цебриковский» — были изготовлены, как удалось к этому времени выяснить, с одного и того же оригинала. Я только не мог решить, от кого получил В. М. Цебриков список «Путешествия», проданный Сафроновым Литературному музею,— от одного из своих родственников или от каких-то соседей по месту жительства на бывшей Остоженке. Но поиск этот приближал данный список почти вплотную к дому П. А. Ушаковой, где провела свои последние годы родственница Радищева, Анна Ивановна Аргамакова, и где она умерла...

---

[1] ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 661, ед. хр. 1188, л. 8.

→ В День Победы на Сапун-горе в Севастополе встретились друзья-партизаны. Крепко обнялись Илья Харченко и чех Войтех Якабчик. Справа Николай Луговой.

БЕС

← Молодежь города-героя Одессы факельным шествием отметила 20-летие победы над фашистской Германией.

СМЕРТЕН ПОДВИГ...

На празднике Победы в героическом Ленинграде. Воинские части проходят по улицам города.

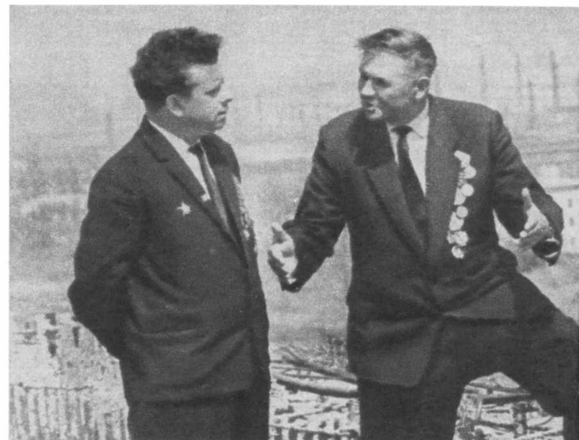

Фото Л. Бородулина, А. Бочинина, Н. Козловского, А. Узляна, Д. Ухтомского, корреспондентов ТАСС И. Баранова и П. Федотова.

Брестская крепость — символ беспримерной стойкости советского народа. За великие заслуги защитников этой твердыни перед Родиной ей присвоено почетное звание крепости-героя. Воздвигнут памятник павшим воинам.

Эти руины в Волгограде сохранятся навеки

как память о великой битве на Волге.

Мамаев курган в Волгограде... Бывший военный комендант героического города В. Х. Демченко рассказывает кавалерам орденов Славы А. Е. Багрову (слева) и Т. И. Скидану о минувших боях.

←

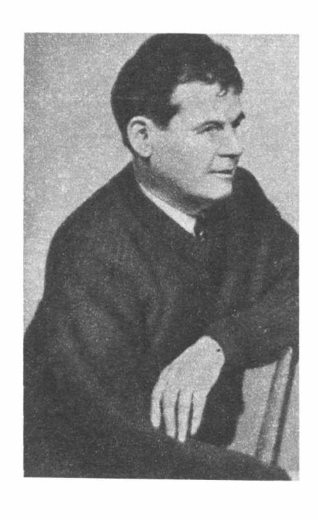
Прославленный защитник Брестской крепости-героя П. М. Гаврилов встретился на месте прошлых боев с дочерью своего погибшего друга лейтенанта А. Ф. Наганова Наташей.

↓ Киев празднует двадцатилетие великой Победы... Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации В. А. Колесник беседует с молодежью.

Леонид **МАРТЫНОВ**

К 60-летию со дня рождения

МЕСЯЦ-ОТРОК ИЗ СТАРЫХ ЕСЕНИНСКИХ СТРОК

Месяц-
Отрок
Льет
Мед в рог
И опрокидывает
Свой же собственный мед
Через собственный рог
В свой же собственный рот.

Нет,
Не мед
Из космических сот,
И не ром, и не бром, и не грог,
Но азот с кислородом
Мечтает вдохнуть, проглотить месяц-отрок!
Ибо хочет с людскими дыханьями
слить он дыханье,
Месяц-отрок из старых есенинских строк,
Месяц-отрок в скафандре из собственного сиянья,
Так мечтательно ставящий свой собственный рог
На порог
Своего серебристого шарообразного лунного здания.

ПЛУТАРХ И АМАЗОНКИ

Видел ли я амазонок?
Да, видел!
Амазонки скакали навстречу мне,
Сидя
Каждая на своем коне.
Я
Тогда еще не читал Плутарха,
Но, разумеется, ничего
Про амазонский их шапочек бархат
Я не прочел бы и у него.
Это было,
Когда ворвались в аулы
Мотоциклетка и автомобиль,
Патриархальность как ветром сдуло,
Клетку взломало, всклубило пыль.
И, отрицая степные законы,
Эти женщины порвали с былым,
Не захотев продаваться в жены,
Как полагается, за калым.
Многим из них
Приходилось круто,
И затем, чтобы дело решилось по существу,
Я помогал им писать заявленья, как будто
Даже и прямо без всяческих прочих
инстанций — в Москву!
Сколько их, дерзостных, не возвратилось
В юрту, под полусферический кров!
Многое множество их превратилось
Не в педагогов, так в докторов.
Многие,
Может быть, даже успели прочесть и Плутарха
И, позабыв о конях, стременах и кнутах,
Но вспоминая старинных одежд своих
молью изъеденный бархат,
Это читая, воскликнут:
— О, ты не Плутарх!
Да и не воображай ты себя Плутархом,
Ибо этот историк, описывая наши черты,
Сам не бывал в нашем дальнем краю,
изнурительно жарком,
И не заглядывал в душные юрты.
А ты,
Видел ли ты амазонок?
Да, видел!
Видел ты темную молодость нашу
и древних кочевий нарушенный цикл,
Но ни одну ты из нас не обидел,
О помогавший нам, бедным, писать заявленья
во ВЦИК!

ДОМ МАДАМ САТАНЮК

Дом мадам Сатанюк позади Покрова.
Все изрыто вокруг, а на крыше трава.
Здесь Потемкин бывал,
Бонапарт ночевал,
Кто-то Гоголя ночью сюда зазывал.
Но не надо показывать, тыкать рукой.
Люди выбегут, крикнут:
— О, дайте покой,
Ведь и так уже уйма музеев вокруг!
Наконец, и сама госпожа Сатанюк
Прибежит, завизжит и пойдет без конца
То того, то другого пушить мертвеца.

ДУРА

Знойные,
Под цвет опала,
Полыхали небеса.
На меня
В кустарнике напала
Возбужденная оса.

ПОЗОР АМЕРИКИ

Вот они, агрессоры! Американская морская пехота, вооруженная до зубов, на улицах Санто-Доминго.

Эти снимки репортеры агентства ЮПИ сделали на улицах Санто-Доминго. Наглая агрессия Соединенных Штатов в Доминиканской Республике, карательные операции американской морской пехоты, топчущей чужую землю,— это новое саморазоблачение американского империализма, присваивающего себе функции мирового жандарма. На всех континентах люди доброй воли клеймят позором агрессоров. «Американцы, вон из Доминиканской Республики!»— таково требование миллионов людей, требование народов. И народы заставят Вашингтон услышать свой голос.

Санто-Доминго превратился в город, где царствует террор... Солдаты продажной клики, сотрудничающей с американцами, обыскивают группу жителей.

Непонятно,
Что она хотела.
Вероятнее всего — гнала,
А быть может, просто впиться в тело
Случая удобного ждала.
За спиной моей она жужжала.
Закричал я:— Отвяжись, не ной!
Слышишь! Поломаю тебе жало,
Если будешь виться за спиной!

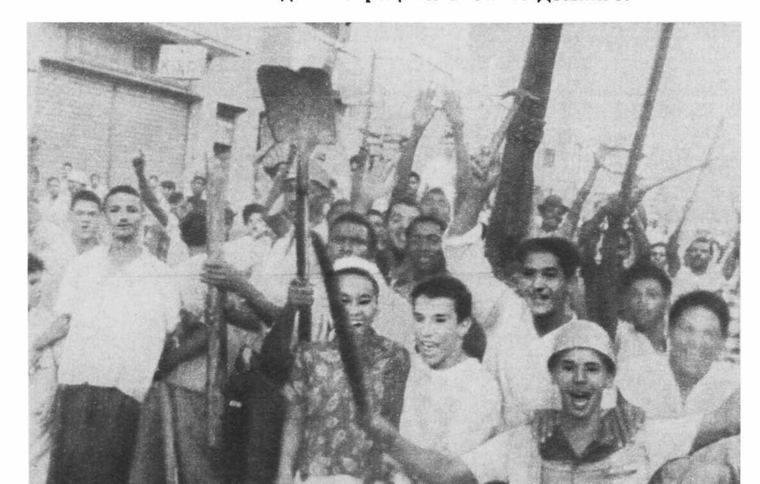
И она внезапно отвязалась,
Будто уяснив, что говорю.
И на миг мне даже показалось,
Что она звенит:
— Благодарю!
Вразумил меня ты, не прихлопнул,
Отпустил порхать под небеса.
Но она жужжала:
— Чтоб ты лопнул!—
Эта идиотская оса.

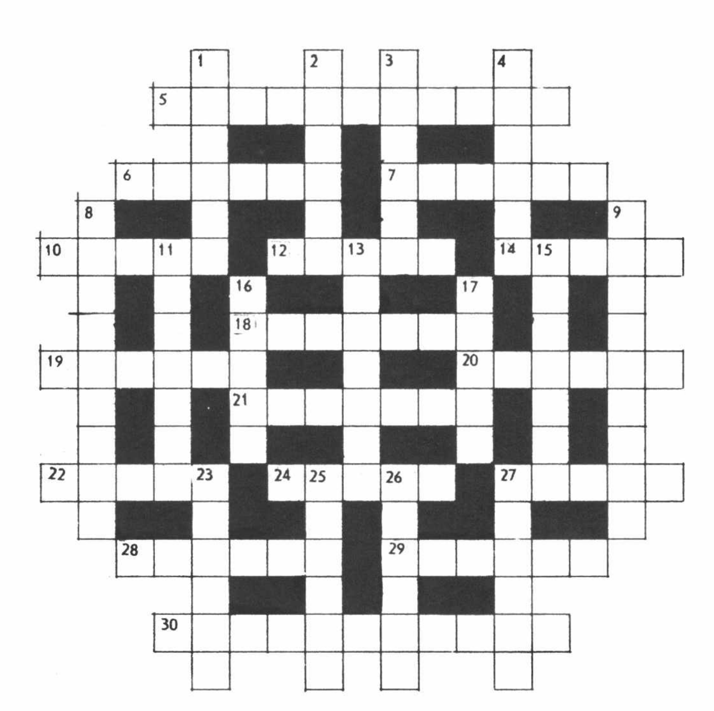
СТАРЫЕ ВРЕМЕНА

Думаешь,
Раньше
Спокойней жилось?
Да перестань же!
Наивничать брось!
Идиллии Феокрита?
А знаешь ли, в чем тут собака зарыта?
Кризис аграрный!
Дафнис и Хлоя?
Но ведь и Лонг вспоминал про былое!
А шатобриановские дикари?
Разве такой была американская явь!
Все навыдумывал он, черт побери.
Словом, что ты ни говори,
А я не поверю. Оставь!
Так уж всегда толковать повелось:
Прежде, мол, лучше, чем нынче, жилось!
Хорошо, хорошо
Жил с пастушкой своей пастушок!
Хорошо, хорошо, что не стерли тебя в порошок,
Уцелел, не погиб, в неприятность не влип,
не пропал ни за грош.
Никуда не попал за здорово живешь.
Ведь куда ни взгляни ты и где ни копни,
Натыкаешься всюду на череп и кость,
А говоришь,
Что в былые дни
Лучше жилось,
Спокойней жилось!

Солдаты с нашивками «US» в петлицах ведут охоту на доминиканцев.

«Американцы, убирайтесь из Доминиканской Республики! Мы сами решим наши проблемы!» — эти слова часто можно услышать на митингах и демонстрациях в Санто-Доминго.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Отдел геометрии. 6. Металлорежущий инструмент. 7. Мелководный морской залив. 10. Зачаток цветка, побега. 12. Сооружение для самолетов. 14. Газ. 18. Повторение части музыкального произведения. 19. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 20. Автор трилогии «Знаменосцы». 21. Медицинский работник. 22. Питательный напиток. 24. Вулкан на острове Хонсю в Японии. 27. Балет А. И. Хачатуряна. 28. Коллектив артистов. 29. Спутник планеты Марс. 30. Рыба семейства карповых.

По вертикали:

1. Русский композитор. 2. Единица длины. 3. Сельскохозяйственная машина. 4. Птица отряда воробьиных. 8. Пушной зверек. 9. Сани. 11. Дверь в ограде, воротах. 13. Оконная занавеска. 15. Опера А. Н. Серова. 16. Стиль плавания. 17. Курорт на Черноморском побережье. 23. Русский металлург XIX века. 25. Канаты для управления парусами. 26. Образец. 27. Государство в Африке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

3. Манагуа. 8. Сегмент. 10. «Квартет». 11. Белокуров. 12. Корма. 14. «Анчар». 17. Квартал. 20. «Фараон». 21. Плакат. 22. Клычков. 23. Бригада. 25. Коралл. 27. Нобиле. 29. Георгин. 30. Марка. 32. Скетч. 33. Миссисипи. 36. Кружево. 37. Ахундов. 38. «Октябрь».

По вертикали:

1. Тантал. 2. Бункер. 4. «Беднота». 5. Верба. 6. Халва. 7. Фергана. 9. Пекарня. 13. Мангышлак. 15. Направник. 16. Раствор. 17. Крекинг. 18. Левитан. 19. Пастель. 24. Горчица. 26. Алатырь. 28. Бутафор. 31. Ампер. 32. Синус. 34. Сноска. 35. Иматра.

●

На первой странице обложки: 22 апреля, у Мавзолея В. И. Ленина, на торжественной линейке, посвященной 95-летию со дня рождения Владимира Ильича, состоялся прием школьников в пионеры. Стала пионеркой и Люба Кириллова.

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Научные работники Центральной аэрологической обсерватории подготавливают шары для подъема аппаратуры в верхние слои атмосферы.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01992. Подписано к печати 12/V 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 1133. Тираж 1 960 000. Изд. № 801.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

1

Михаил ШОЛОХОВ

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Новые рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Бывают литературные произведения, которые очень трудно переложить на язык графики: могучее слово подавляет текст, берет верх над карандашом или кистью. Таков рассказ «Судьба человека» Михаила Шолохова.

В подобном случае художник должен очень умело выбрать тему для иллюстрации, тонко подчеркнуть мысль автора, создать в рисунке образ, который был бы немедля узнан и признан читателем.

Художник П. Пинкисевич, широко известный читателям «Огонька», успешно справился со своей нелегкой задачей. Его иллюстрации к «Судьбе человека» запоминаются. Они верны, точны, их можно назвать подлинно шолоховскими.

1 «А Ирина прижала руки к груди; губы белые, как мел, что-то она ими шепчет, смотрит на меня, не сморгнет...»

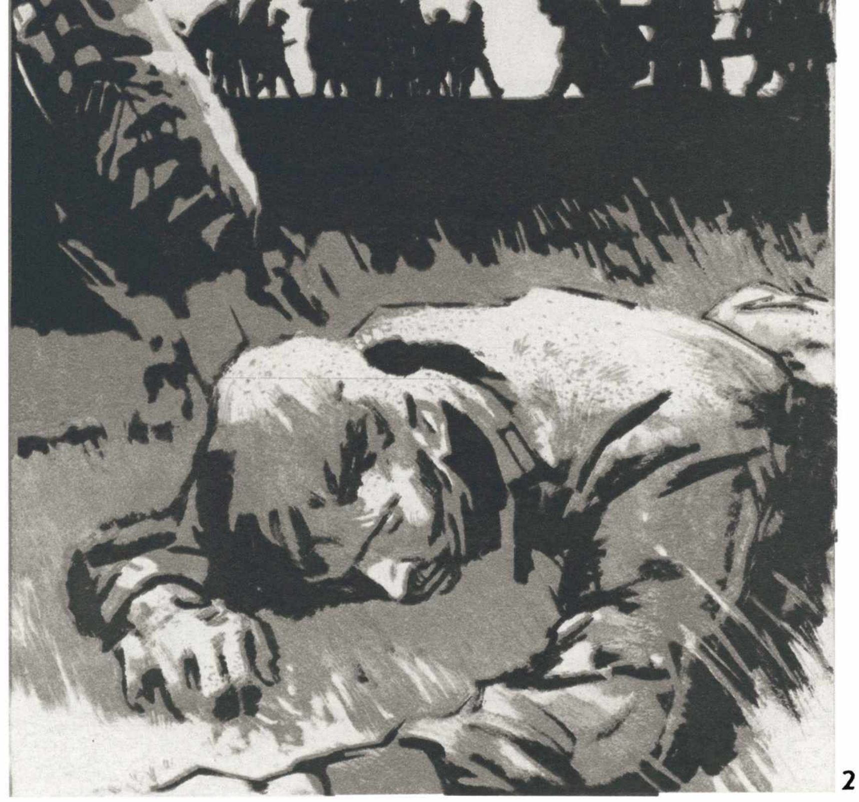
2 «Ну, вот, стало быть, лежу я и слышу: танки гремят».

3 «...наши подхватили меня на лету, затолкали в середину и с полчаса вели под руки».

4 «...а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке».

5 «Из блиндажа автоматчики выскочили, и я нарочно сбавил ход, чтобы они видели, что майор едет».

6 «Беда мне с этим пассажиром! Через него и я подбился».

2

4

3

5

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663